

попаданец

Андрей Шопперт

КРАСАВЧИК
ЦАРСКАЯ НЕМИЛОСТЬ

Андрей Готлибович Шопперт

Красавчик. Царская немилость

Серия «Попаданец (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69777967

ISBN 978-5-17-159154-0

Аннотация

Людвиг Адольф Петер цу Зайн-Витгенштейн-Берлебург-Людвигсбург.

Кто это?! Почему Наполеон пошел захватывать не находящуюся рядом с границей столицу, а ничего для государства не значащую Москву? Кто заплатил за восстановление Москвы после пожара 1812 года? Кто стал главнокомандующим русской армии после смерти Кутузова?

В тело опального генерала графа фон Витгенштейна попадает сознание командарма РККА, Ивана Яковлевича Брехта. Сможет ли он изменить ход истории? Именно настоящий граф фон Витгенштейн не дал войскам Наполеона захватить Ригу и Санкт-Петербург, и именно он стал главнокомандующим после смерти Кутузова. Время действия январь 1801 года. До убийства императора Павла, отправившего генерала Витгенштейна в ссылку, два с небольшим месяца.

Легко стать попаданцем. Быть попаданцем – намного сложнее, но ведь почти все попадают в принцев, наследников, или даже

царей... А тут опальный генерал с деревенькой в сорок дворов. И что же будет делать Иван Яковлевич Брехт?

Книга содержит нецензурную брань

Содержание

Глава 1	8
Событие первое	8
Событие второе	14
Событие третье	17
Глава 2	21
Событие четвертое	21
Событие пятое	27
Событие шестое	31
Глава 3	36
Событие седьмое	36
Событие восьмое	42
Событие девятое	47
Глава 4	51
Событие десятое	51
Событие одиннадцатое	56
Событие двенадцатое	61
Глава 5	66
Событие тринадцатое	66
Событие четырнадцатое	74
Событие пятнадцатое	78
Глава 6	81
Событие шестнадцатое	81
Событие семнадцатое	86

Событие восемнадцатое	91
Глава 7	96
Событие девятнадцатое	96
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Андрей Шопперт Красавчик

Царская немилость

Серия «Попаданец»

Выпуск 158

Иллюстрация на обложке Бориса Аджиева

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Андрей Шопперт, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Глава 1

Событие первое

*Никто <...> не бывает равно
предусмотрительным, задумывая план и приводя
его в исполнение. В рассуждениях мы тверды, а в
действиях уступаем страху.*

Фукидид

Справка: «15 марта 1940 года Брехт Иван Яковлевич получил вторую медаль “Золотая Звезда” и очередное звание – комкор. С 22 июня 1940 года назначен на место уехавшего на Дальний Восток Штерна командующим 8-й армией.

Командиром 9-й автобронетанковой дивизии назначен Герой Советского Союза комбриг Бабаджанян Амазасп Хачатурович.

Светлов Иван Ефимович награждён орденом Ленина и ему присвоено досрочно звание полковник. Назначен начальником штаба 9-й автобронетанковой дивизии».

Иван Яковлевич Брехт точно знал, что это должно было случиться. Не до часа там или минутки, нет, но что прямо со дня на день, так на все сто процентов. И при этом никакие внешние признаки на это не указывали.

Был июнь 1941 года. До войны оставалось две недели. Может быть, война в этой Истории начнётся чуть позже или чуть раньше. На самом же деле Гитлер хотел начать вторжение на территорию СССР немного раньше – в середине мая, но не заладилось с покорением Балкан. Сербь устроили настоящую партизанскую войну и вообще оказали сильнейшее сопротивление, так что часть сил пришлось туда перебросить, да ещё побоялись немцы вести войну на два фронта. Сейчас происходит то же самое, так что стоит надеяться на то, что История опять всё подправит, и Великая Отечественная начнётся в положенное время.

8-я армия, которой сейчас командовал дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант Брехт Иван Яковлевич, находилась всё там же, в Карелии, и Брехт её нещадно гонял и оснащал, чтобы в тот момент, когда Маннергейм вступит в войну на стороне Гитлера, нанести удар по Хельсинки и по самому северу Финляндии, чтобы вторгнуться ещё и в Норвегию. Лишить немцев никеля, а Ленинград не позволить взять в кольцо. Тогда ленинградский фронт будет дамкловым мечом нависать над вторгшимися в Прибалтику фашистами, и всё может пойти совсем не так.

И почти всё это время с окончания Зимней войны и отправки 9-й автобронетанковой дивизии назад в Спасск-Дальний Брехт уговаривал сначала Кулика и Ворошилова, а потом Тимошенко, чтобы дивизию влили, так сказать, в 8-ю армию, но те руководители отмахивались. Кулика уже осво-

бодили от должности начальника ГАУ РККА, Ворошилова от должности наркома, а Тимошенко пару месяцев кормил Брехта завтраками, но наконец пошёл на компромисс. Всю дивизию не перебросят. Перебросят авиацию, диверсантов со снайперами и два танковых батальона. В принципе, этого и хотел Брехт. Зачем ему колхозный батальон и прочие тыловые части в начале войны, а когда всё начнётся, можно и мотопехоту потребовать, и медсанбат.

Так вот, про уверенность. Шёл он утром по Петрозаводску в штаб армии из небольшого купеческого особнячка двухэтажного, который ему достался от бывшего командующего армией и, перепрыгивая небольшую лужицу, ощутил, как что-то кольнуло верх бедра правой ноги. Всегда пешком ходил. Бегать стало некогда, ну вот хоть эти десять минут быстрой ходьбы. Кольнуло, и Иван Яковлевич автоматически сунул руку в карман бриджей, что там такое могло попасть, ключи от сейфа, что ли. В руке оказалось что-то холодное и скользкое. Брехт вынул руку, и мурашки по всей коже побежали – и по спине, и по ногам, и даже по короткостриженной голове.

В руке находился тот самый синий кристалл, который перенёс его из 2021 года в 1932-й. Новенький, светящийся изнутри, словно и не рассыпался он на голубой порошок почти десять лет тому назад. Иван Яковлевич его сунул в тот же карман ставшей сразу мокрой рукой и, сойдя с дощатого тротуара, под покрывающуюся свежими светло-зелёны-

ми листочками берёзку, прислонился к ней спиной и закрыл глаза.

Сначала мозги паниковали. Не хотели эти мозги верить, что их хозяина, всего такого героического и успешного, грохнут. Потом думать стали (мозги) – а кто конкретно? А потом поняли, поскрипев. Правильно или не правильно поняли, проверять не хотелось. Надеяться надо на худшее, тогда при хорошем исходе сюрприз приятный будет. Но в случае этом конкретном сюрприза не намечалось. Либо убьют в первые дни войны. Бомбили же, наверное, Петрозаводск немцы с финами. Либо, что более вероятно, он попадёт в жернова НКВД. Инцидент с самолётом уже случился. Перелетела «Тётушка Ю» через всю страну и села в Москве. Поснимали уже всех руководителей, что связаны с ПВО. А там Смушкевич Яков Владимирович и Штерн. И они под пытками скажут, что их дружок Брехт тоже заговорщик, и войну в Испании из-за него, проклятого-клятого, проиграли.

Не очень хотелось умирать после месяца непрерывных пыток. И самое главное, вместе с теми, кого расстреляют в Куйбышеве, будут и их жены. Детей и жену нужно было срочно спасать. Они были разбросаны по всей стране. Валентина и Малгожата были во Владивостоке, Ванька, Хуан и Збигнев были в Спасске у дяди Вани Светлова, тренировались вместе со спецназом, на каникулы летние уехали, вернее ещё в поезде, только завтра должны доехать. А двое младших были вместе с Катей-Куй в Петрозаводске.

Граница рядом совсем. Сел на самолёт и перелетел в нейтральную Швецию. Понятно, вместе с женой и детьми, на бомбардировщике СБ, скажем. Есть нюанс, он – тот самый Брехт – Ужасный. «Камала Брехт». Не ждёт его в Швеции ничего, кроме передачи соседней дружественной Финляндии, для суда. И непонятно, что с женой и детьми толерантные шведы сделают. Скорее всего, тоже передадут. Как там в «Джентльменах удачи»: «Чем больше сдадим...» Выходит, близок локоть, да не укусишь. Нужен другой вариант.

Тогда необходимо прямо сейчас отправить Катю с детьми в Спасск-Дальний с письмом к Светлову, чтобы срочно вместе со всем золотом и сапфирами переправлял их в Америку к Ваське Блюхеру. Да и сам лучше бы туда перебирался. После того, как Брехта попытаются арестовать, и у Светлова остаться на свободе шансы минимальные.

Иван Яковлевич снова сунул руку в карман, надеясь, что синий камень исчезнет. Хрена с два. Скользкий и холодный. А вот интересно... Не так как интересно... Ну, как книга интересная. А интересно, аж зубы сводит, сколько ему кристалл времени отмерил. Придёт в штаб, а там уже чекисты в кабинете его сидят.

Нет, ребята, пулемёта я вам не дам. Брехт развернулся и пошёл домой. Жена с детьми ещё спали. Как им про кристалл синий рассказать? Да и не надо. Иван Яковлевич потряс Катю за плечо.

– Что-то забыл? – сразу глаза открыла.

– Катя, беда. Вам нужно срочно бежать из страны. К Ваське Блюхеру в Америку. Здесь тебя арестуют, либо лагеря ждут, либо расстрел. Детей разлучат и отправят в детдома. Прямо сейчас собирайся, бери вещи самые необходимые, деньги и с детьми садитесь в ближайший поезд до Ленинграда. Там купите билеты до Владивостока. Где-нибудь в Омске выйдите и сядьте на другой поезд. В Спасске-Дальнем выйдите и сразу к Светлову. Он вас доставит во Владивосток, а там контрабандисты в Америку, как Ваську Блюхера, переправят. Я ему сейчас письмо напишу. Желательно и ему уехать. Все знают, что он со мной тесно связан, и если меня арестуют, то и его тоже. Катя, всё, я письмо писать пойду, а ты собирайся, сейчас половина восьмого, в девять поезд на Ленинград. Ни минуты лишней нет. Детей нужно собрать, накормить. Отставить слёзы. Я сделаю всё, чтобы вас в Америке найти. Всё. Слышь. Собирайтесь.

Куй сидела, кивала, а из прекрасных карих глаз катились крупные слезинки, оставляя на щеках дорожки. Брехт поцеловал эти солёные дорожки по очереди и пошёл писать письмо Светлову. Тоже ведь нужно найти слова, чтобы этого непростого товарища убедить Родину покинуть. Ну, разве нажать на чувство ответственности за кучу детей и двух корянок.

Событие второе

Перед сражением каждый план хорош, после сражения каждый план плох.

Владислав Гжещик

Иван Яковлевич переоделся в гражданскую одежду, помог донести узлы и чемоданы до вокзала и посадил жену с детьми на поезд.

Постоял на перроне, смотрел вслед уходящему поезду, прощаясь. Понимал, что навсегда. Не просто так синий кристалл появился. Почему появился? Кому-то надо, чтобы он ещё в каком другом времени погеройствовал. Или, наоборот, вернёт сейчас обратно в тело умирающего старика. Хотя нет. Он же умер там. Смешно. Если кристалл способен душу или, как уж эта субстанция называется, пусть будет сознание, переносить на многие годы в прошлое, то может и назад забросить за несколько дней до смерти.

Не сильно хотелось менять молодое и здоровое тело на умирающее от последствий ковида и старости прежнее. Не честно. Может, всё же сесть в самолёт? СБ или АНТ-40 пустой с полными баками тысячи две с половиной километров пролетит. Как раз до Берна хватит. На тех восьми тысячах метров, что он может подняться, никакая ПВО ему не страшна. Его там просто никто не увидит и не услышит. Тем более что день пасмурный, скроется в облаках.

Так бы и сделал. Одно останавливало. Кристалл-то появился, а значит – выхода нет. Он погибнет. В небе. В застенках Лубянки, при бомбардировке Петрозаводска. Да без разницы где. Там, где-то на небесах, решили, что он умрёт, значит, он умрёт. Не спрыгнешь с этого паровоза.

Противно было. Шёл генерал по дощатому всё тому же тротуару, и ноги заплетались. Когда читал книги про попаданцев всяких в будущее, то там эти самые попаданцы Сталину, или ещё кому, говорили, когда он умрёт. Ну, его на фиг. Лучше не знать. Или лучше всё же знать? А что он сейчас может сделать?! Да много чего. Во-первых, не угодить в лапы НКВД. Хрен он им живой сдастся. Во-вторых, протянуть как можно дольше, чтобы Катя-Куй с детьми успела затеряться. Непросто. Это только кажется, что раз пока билеты на поезда продают без паспорта, то можно добраться до Владивостока из Петрозаводска тайно. Хрен. В каждом поезде милиция. И кроме того, в ГБ ведь не дураки сидят, первым делом, если начнут искать, то проверят все поезда, что идут в Приморье. Куда ещё может жена врага народа Брежневта сбежать. Ко всему прочему совсем не славянской внешности у него жена. Нет русских кос. Вообще кос никаких нету. Короткие волосы. Каре, наверное. Не силён в женских причёсках. Всё же военврач. Майор целый. Военврач 2-го ранга, если точным быть. Корейнок по стране не лишку катаются. Их всех выселили из Приморья в Казахстан, и оттуда им хода нет. Это у Кати-Куй есть военный билет. Её сразу же не аре-

ступают прямо на вокзале. Но проверять будут регулярно, так что вся надежда на то, что хватятся не сразу. Ну и на него. Не нужно попадать живым в руки Госбезопасности. А если и попадать, то как можно позже. Не-не, лучше не попадать.

Событие третье

*Задача сделать человека счастливым не входила
в план сотворения мира.*

Зигмунд Фрейд

В штабе было тихо, не бегали «кровавые гэбисты» в фуражках специфического цвета, не выворачивали на пол из шкафов и столов бумаги. Люди работали. И работы было полно. Брехт назначил на ночь 22 июня грандиозные учения. Вся армия продвигалась к финской границе. Кроме того, уже завтра должны прилететь самолёты 9-й автобронетанковой дивизии и их надо принять и разместить. Нужно будет разбить летние лагеря для лётчиков и механиков, завезти для приморцев горючее и главное – спирт добыть. Свою авиацию Брехт тоже почти довёл до уровня той, что прилетит завтра. Бензин стали разбавлять спиртом, из шарашки пришли новые карбюраторы и нагнетатели. Где можно и не можно Брехт раздобыл ШВАКи взамен ШКАСов, и рабочие в Петрозаводске доработали их по чертежам Шпагина. Немцев и финнов ждёт 22 июня серьёзный такой сюрприз, они не то что превосходства в воздухе здесь на севере не получают, они вообще воздуха не получают. Он просто уничтожит всю их авиацию в первый же день.

Покрутившись в штабе, осознал, что работать сегодня не сможет, не тем мысли заняты, да и запал прошёл, это уже

не его война. Пусть сами, что мог – сделал, видимо там, наверху, решили, что достаточно покуролесил, и пора забирать его. А может и наоборот, решили, что не справился, и вернут обратно в родное тело умирать. Всё же Иван Яковлевич надеялся, что не назад вернут, раз кристалл дали, который распадётся потом на голубой порошок. А порошок при потреблении внутрь как-то там активизирует память реципиента. Но зачем память активизировать в собственном теле, если он и без того всё про себя любимого помнит.

Прихватил генерал-лейтенант Брехт из сейфа к находящемуся в кобуре M1911 ещё и трофейный девятизарядный вальтер¹, из Германии привезённый. Пистолет небольшой, в кармане бриджей пусть полежит. Лишним в его ситуации не будет. Из штаба вышел через чёрный ход с несколькими красноармейцами, что привезли на подводе воду кипячёную для штабистов. Чтобы всяких дизентерий и холер избежать, Брехт в штабе разрешал пить только заранее прокипячённую воду, которую в эмалированных ёмкостях двухведёрных и привозили в штаб 8-й армии с местного хлебозавода. Там лишнего тепла хватало. Почему на кипячение воды не использовать?

К дому прошёл тоже кружным путём, несколько раз заходил с разных сторон, проверяя, нет ли наблюдения. Но всё было как обычно, никаких «топтунов». Телефон хотел отключить, но должны ведь лётчики прилететь, мысленно

---

¹ Walther PPK: Polizeipistole Kriminalmodell

уже попрощался с этим миром, а привычка за всё отвечать и лезть в каждую дырку не отпускала. Постоял над телефоном и оставил включённым. Лётчики не прилетели. Видимо, где-то на пути нелётная погода. Спал Иван Яковлевич с двумя пистолетами под подушкой и открытым окном на задний двор. С него, если сильно оттолкнуться, можно до берёзы, у дома растущей, долететь и за ветви схватиться, смягчив падение.

Никто к нему ночью ни на каких «воронках» не приехал. Даже обидно. И не выспался, и не пострелял.

В штаб опять зашёл с чёрного хода. Лётчики прилетели рано утром, и Брехт, отбросив мысли о чекистах, погрузился в обустройство быта и снабжение пополнения. Так до вечера и просидел на телефоне, вроде готовились, а как прибыли, то оказалось, то тут не так, то там не эдак. Домой шёл уставший и охрипший. Мало Мехлис расстреливает. Половину командиров надо отправить в ад дисциплине обучаться. А интендантов всех, даже грузчиков. Шёл и только у двери осознал, что и не проверялся и даже вообще по сторонам не смотрел. Ну, и ладно. Теперь уже дома.

Добрался до кухни, сделал себе пару бутербродов с чаем, проглотил и вырубился. Прошлая бессонная ночь и суматошный день сказались. Проснулся от дребезжания будильника. Ну, значит, не было и сегодня «воронка».

В штаб по привычке уже зашёл с чёрного хода и увидел, как в углу у этого входа справляет малую нужду какой-то

товарищ из водовозов.

– Мать же вашу, Родину нашу! Вон же в сорока шагах туалета! – гаркнул генерал на красноармейца.

Тот эту штуку спрятал, но дело своё делать она не перестала, и штаны спереди мигом намокли.

Брехт тяжело вздохнул, махнул рукой на действительность и пошёл к себе. И передумал. А чего, если за ним сегодня придут, то пусть по лесам его поищут. Поехал осматривать готовность своих лёгчиков к 22 июня. Либо не нашли, либо не искали, спокойно довёз его водитель до дома. Отправив машину, Брехт нарезал пару кругов вокруг дома. Тихо. И это хорошо. Поезд с Катей и детьми всё дальше. Понятно, что больше недели добираться. И телефон быстрее паровоза. Но каждый день на него работает. Уже три прошло.

Они приехали в три часа ночи. Брехт снова спал вполглаза и подъехавшую машину услышал. Далёко ещё отечественному автопрому до бесшумных двигателей. Этот рычал, как дизель на тракторе. Иван Яковлевич спал в штанах и гимнастёрке. Быстро надел сапоги и глянул из-за шторы на улицу. Чекистов было пятеро. Один остался в машине, один пошёл обходить дом с тыла. Наверное, как раз под той берёзой и встанет. Третий товарищ встал у угла дома, а двое забарабанили в дверь.

Глава 2

Событие четвёртое

*Выработка планов – напрасная трата времени,
если это не поручено тем, кто будет их исполнять*
Генри Киссинджер

А молилась ли ты на ночь, Дездемона? Может, эти люди ни в чём не виноваты, и у них семеро по лавкам, а он этих тридцать пять детей перед самой войной без кормильцев оставит? Ну, не судьба. Свои жена и дети дороже. Гораздо дороже. Они тоже ни в чём не виноваты, и ему для них нужно ещё хоть три дня выиграть.

– Иду, иду, Гришка, ты? – первое попавшееся имя брякнул. По дороге взял в правую руку с тумбочки у кровати мизерикордию, а в левую... А в левую тоже мизерикордию. Чего от хорошего к лучшему стремиться. Привычное же оружие.

Там стукнули ещё раз и, услышав, видно, вопрос, радостно подтвердили:

– Я, открывай.

Хрень-то какая! Это они ведь к генерал-лейтенанту в дверь ломятся. Как должен выглядеть «Гришка», который

командующему армией и дважды Герою Советского Союза «ты» говорит?! Да ещё среди ночи требует открыть. Забавно было бы на этого Гришку посмотреть.

– С-сука ты, Гришка, последняя. Чего опять припёрся среди ночи, не буду я тебя сегодня пользоваться. У тебя вся задница в прыщах. – Чего не покуражиться напоследок. Интересно, что теперь чекист ответит?

– Открывай! – и чего-то неразборчивое, оправдывался, наверное, перед собратом по органам, что и нет у него никаких прыщей на том самом месте.

– Иду, иду. – Брехт зажёл свет в коридоре или, вернее, в сенях, дом деревенский скорее, чем городской. Потом стал к стенке слева от двери и отодвинул громоздкую задвижку, от бывшего хозяина в наследство оставшуюся. «Гришка» толкнул дверь и руку с наганом вперёд выдернул.

– Руки... – Заозирался, никого перед собой не увидев.

Брехт ему клинок снизу под челюсть загнал. Глубоко, сантиметров на двадцать, пока острие снизу в черепную коробку не упёрлось. Потом оттолкнул мёртвого уже «Гришку» ногой и теперь уже правой рукой вогнал второй клинок в *Plexus coeliacus*² сунувшемуся в сени второму обладателю нагана. Товарищ больше дышать не мог. Брехт спокойно втащил его в дом и, вынув из пуза клинок, воткнул его прямо в око всевидящее.

– Помойтесь, ребята, – вспомнил Иван Яковлевич фразу

---

² Солнечное сплетение.

из «Белого солнца пустыни».

Потом снял со второго гостя васильковую фуражку, натянул на голову, прикрывая лицо, и, высунувшись только немного из двери, поманил рукой того, что остановился у угла его особняка. Товарищ, блеснув треугольниками в петлицах, вприпрыжку полетел к двери. Ну кто так захваты опасных государственных преступников планирует?! Не бояться?! Не встречали ещё ни разу сопротивления серьёзного. Все арестованные раньше шли, как быки на бойню, мыча только про свою невиновность. Надеялись, что там разберутся. И пример других ничего им не говорил. ТАМ обязательно разберутся, только ни тебе, ни твоей семье эти разборки не понравятся.

Третий забежал в сени и был встречен всё тем же прерывающим дыхание ударом мизерикордии в солнечное сплетение. Чекист согнулся, и Иван Яковлевич, вынув тонкое лезвие из тела всё тем же отработанным тысячи раз приёмом вогнал по самую рукоять клинок снизу из-под челюсти в мозг.

– Минус три.

Дальше было сложнее. Оставалось двое, один стоит с противоположной стороны дома под берёзой, а пятый за рулём автобуса. Что-то иностранное. Наверное, трофей из Финляндии. Он ближе и он опаснее. Может уехать. Иван Яковлевич потуже натянул чуть маловатую ему позаимствованную крапово-васильковую фуражку и «храбро», с силой распахнув входную дверь, пошёл к автобусу, обходя его спереди. Фары

были погашены, зашифровались товарищи. Это с таким-то ревушим двигателем?! И тут ацетиленом пахнуло. Твою налево. Где чекисты такой раритет отхватили? Он ещё с ацетиленовыми фарами. Брехт с ними только раз в Спасске столкнулся. Давно уже у себя все трактора и автомобили перевёл на электрические лампочки, а тут ещё этими раритетами пользуются. В защиту древности нужно сказать, что дороге такие фары освещали вполне себе сносно, но как бы и не лучше электрических. Вот только их использование вынуждало водителя прибегать к целой куче предварительных операций. Чтобы «включить» эти самые фары, нужно было открыть кран подачи ацетилена, затем открыть стеклянные колпаки самих фар и, наконец, зажечь спичкой горелки. Ацетилен при этом вырабатывался прямо на ходу: в отдельном баке, разделённом на два отсека, в который перед поездкой нужно было засыпать карбид кальция и залить воду.

Иван Яковлевич, пока мозг удивлялся допотопному автомобилю, уже обогнул капот автобуса и потянул за ручку кабины. Так-то довольно темно было. Пасмурно, фонарями на улицах, светящими за каким-то хреном всю ночь, Петрозаводск ещё не обзавёлся, и весь свет образовывался из небольшой щели, что осталась от неприкрытой входной двери его купеческого дома.

– Там... – Иван Яковлевич махнул рукой в сторону дома.

– Чего? – Водитель подался вперёд и получил четырёхгранный клинок-шило в глаз.

– Минус четыре.

Теперь самое сложное. Тот, что стоит в засаде под деревом, на взводе. В доме тихо. Свет не загорелся. Товарищ если и не паникует, то весь на нервах. Что-то непонятное происходит. Выйди к нему внаглую, как поначалу хотел Брехт, а он шмальнёт из нагана. Не наш метод. Легче всего самому из вальтера в него стрельнуть. Довольно тихая машинка у немцев получилась. Калибр не велик – патрон 6,35 мм. Но...

Это днём, когда вокруг полно других звуков, не сильно громко получается. Сейчас ночь, и в соседних домах обязательно проснутся, а ему ещё трупы васильковые перетаскивать. Придётся рискнуть и с пятым тоже разделаться холодным оружием.

Позади берёзы выросли кусты малины полудикой. Прямо вплотную не подойдёшь, но можно, если тихонечко идти, подобраться метра на три. Брехт обогнул дом с противоположной стороны и пошёл, выбирая, куда ногу поставить, к пятому чекисту. Прошлогодние ветки малины в этом проулке никто не убирал, и они, сломавшись, могли шуму надеть. Шагов пять можно сделать, пока кусты отгораживают идущего от чекиста. Иван Яковлевич, стараясь не шуршать прошлогодней листвой и в то же время пошерудить ногой, выбирая место без сухих бадыльев прошлогодней малины, сделал. И тут товарищ из органов решил ему подарок преподнести. Видимо, вконец переволновавшись от непонятной тишины и темноты, он пошёл к углу дома и всего в шаге от

Брехта оказался. Иван Яковлевич ему со всей дури рукояткой кинжала в височную кость заехал. Сотрудник органов Госбезопасности тихо пискнул и упал к ногам генерала.

– Доверяй, но проверяй. – Иван Яковлевич развернул кинжал и в глаз лезвие сунул. Тело дёрнулось. Жив был курилка. – Минус пять.

Событие пятое

*Трудно делать прогнозы, особенно насчёт
будущего.*

Йоги Бerra

Перед операцией под кодовым названием «Трансплантация органов» Брехт переоделся. Понятно, что крови с сотрудников этих органов много не могло капать. Тоненькое четырёхгранное «шило» мизерикордии и дырочку маленькую оставляет, но ведь и небольшого кровавого пятна на бриджах или гимнастёрке хватит, чтобы заметили и спрашивать доброхоты стали.

Переоделся в тренировочный костюм, в котором бегал обычно, если время и погода позволяли, и стал по одному перетаскивать-«транспортировать» чекистов назад в их доисторический автобус. После чего вырулил на дорогу и погнал на юг, там километрах в шести или семи, если по этой дороге ехать, был небольшой обрыв недалеко от дороги, а сразу за ним довольно глубокое озеро. Если автобус разогнать немного, то он под обрыв скатится и потонет. Ну, наверное, потонет. Брехт как-то там учения проводил у создаваемой им группы диверсантов в 8-й армии, и рыбак им попался. Лейтенант его шуганул, а Брехт тогда обратил внимание, как долго товарищ леску скручивал, метра четыре было от крючка до поплавка. Должен автобус лечь на дно и скрыться пол-

НОСТЬЮ.

Ох, же ж, твою же ж мать же ж, налево. Надо сразу орден выдавать водителю таких колымаг. Передачи переключаются со скрипом и свистом и с пятого раза, там, интересно, вообще зубья остались на шестерёнках?! А как крутить баранку? Она просто не крутилась. Нужно Иваном Поддубным быть, а не Иваном Брехтом, чтобы руль повернуть. Намучился Иван Яковлевич, пока догнал антикварный автобус до того обрыва. Выехав из города, остановился и запалил всё же фары. Для чего пришлось обыскивать трупы на предмет обнаружения спичек. Нашлись как раз у водителя, почему сразу не догадался, зато обыск старшего, ну, судя по шпале в петлицах, лейтенанта Госбезопасности принёс ответ на вопрос, а не в гости ли просто ребята заехали или по ошибке не в тот дом постучали. Ордер нашёлся на его арест. Подпись неразборчива, нет, она, наверное, была вполне себе читаема, когда бумагу выписывали. Но лейтенант этот, как помер, штаны обмочил, а с ней и бумагу важную, расплылась подпись, может даже самого Берии.

Суровой чести верный рыцарь,
Народом Берия любим.
Отчизна славная гордится
Бесстрашным маршалом своим.

Припев:

Овеян славою народного доверия,
От юных лет мечтой прекрасною горя,
Хранит родной товарищ Берия
Завоеванья Октября!

Вождя заветам предан свято,
Он счастье Родины хранит.
В руке чекиста и солдата
Надёжен меч, надёжен щит.

Промурлыкал Брехт себе под нос песню, что товарищ Михалков написал. Старший. Автобус чуть самого песенника не утопил. Иван Яковлевич доехал, наконец, до того обрыва, развернул автобус, разогнал его как мог и, резко выкрутив руль, попытался выпрыгнуть из кабины, а нога застряла, зацепившись шнурком ботинка за педаль тормоза. Еле выскочил без ботинка в последнюю долю секунды. Ногу чуть не вывернув. Сел над обрывом и перекрестился. А ведь в прошлый раз тоже в воде помер. Может, и сейчас надо было?

Подумал. Ну, поздно уже. Не топиться же самому. Да и надо ещё хоть парочку дней для Кати с детьми выиграть.

Вопрос: а без ордера, который явно не в Петрозаводске выписывали, пойдут его завтра арестовывать? Нет? И вообще, как сейчас эти краповые себя вести будут, когда автобус Брехта не привезёт. Это же не следователи? Это... Да хрен их знает, как там у них группа захвата называется. Но тот, который должен допрашивать, явно не в Петрозаводске.

В Москве или Ленинграде. Не Васю же слесаря-сантехника арестовали. Командующий армией как-никак. Пока тому, кто ордер выписал, сообщат... А может, это сам Берия, и прямо с утра его известить, что «всё пропало, гипс снимают, клиент уезжает», не решатся. Пока в Москве новый ордер выпишут... Как раз пара дней пройдёт. Ну а ему нужно идти пять километров босым по ночной лесной дороге домой. И комары. КОМАРЫ!!! Лучше бы утонул.

Пришлось перейти на лёгкий бег. Под новую песенку:

Сегодня праздник у ребят,
Ликует пионерия!
Сегодня в гости к нам пришёл
Лаврентий Павлыч Берия!

Подобно быстрой молнии
Он входит в светлый зал,
Не зря Мингрельцем Пламенным
Сам Вождь его назвал!

Событие шестое

*Ты чаво опять смурной?
Что причиной, кто виной?
Аль гишпанец гоношится,
Аль храницуз пошёл войной?*

*Леонид Филатов,
из книги «Про Федота-стрельца, удалого молодца»*

Прихромал Иван Яковлевич домой босиком, сбив ноги, переоделся, позавтракал и пошёл, как обычно, пешочком на работу. В штаб. Штаб 8-й армии располагался в одном из немногочисленных каменных зданий Петрозаводска. Раньше там реальное училище размещалось. Никаких оград особых и охраны. От улицы отделён несколькими неказистыми кустиками черёмухи. Брехт подписывал бумаги, отвечал на звонки, провёл оперативку со штабистами, уточняя задачи на запланированные учения. Если его не будет, то люди должны сами принять решение, как только узнают о войне, уничтожить авиацию Финляндии и разбомбить к чертям собачьим Калини... тьфу, Кёнигсберг. В общем, занимался рутинной и текучкой генерал, а сам всё время в окно поглядывал. Есть наблюдение или нет.

Наблюдение появилось ближе к обеду. Целых два «наблюдения». Наверное, всё же приняли решения арестовать без ордера, но в штаб сунуться бояться. Мало ли как вояки се-

бя поведут. Крикнет Брехт этот, что это шпионы ряженные, и постреляют командиры всех краповых. У каждого оружие, и каждый стрелять точно лучше обучен.

Пообедал Иван Яковлевич первый раз в столовой. Всегда на обед домой пешком ходил, чтобы не разжиреть, да и подумать о чем важном по дороге. Вечер наступил незаметно, захлопали двери, народ потянулся к выходу. Брехт вышел опять через запасной выход и кустами перебежками миновал несколько улиц. Топтунов не было. Домой он не пошёл. Утром, выходя из дома, Иван Яковлевич под скамейку около соседнего сгоревшего и брошенного дома запихал свёрток с вещмешком и спальником. Сейчас его достал, перекусил положенными сверху бутербродами и опять кустами и огородами в лес ушёл. Спалось плохо. То муравей заползёт, то комары совсем обнаглеют и щёлку найдут. Лежал, думал. Наверное, неправильно он поступил, Катю с детьми на поезде отправив, нужно было организовать спецрейс на СБ. Ну, все мы сильны задним умом, тогда просто запаниковал.

Утром поднялся с рассветом, часа в четыре. Всё же север, скоро самый длинный день в году. Иван Яковлевич решил проверить, что там с домом, перед тем, как в штаб идти. Подходил, подолгу вглядываясь в каждый куст, под которым могла засада сидеть. Но всё тихо было. И вокруг дома никого не было. Если чекисты и организовали засаду, то только внутри дома. Брехт туда и не полез. Зачем – ему нужно тянуть время. Каждый час, что он на свободе, давал Ка-

те проехать лишние шестьдесят, скажем, километров. Завтра в это время должна уже быть в Хабаровске, если поезд не сильно опоздает, а послезавтра и в Спасске. Вот эти два дня и нужно продержаться, почему-то уверен был Иван Яковлевич, что, не арестовав его, Госбезопасность принимать какие-либо меры против жены не будет. Хотя сам отлично знал, что в случае с Люшковым все случилось и в реальной и в этой Истории как раз наоборот. Но вот у Блюхера же жену позже арестовали. Надеялся, в общем.

У штаба тоже было спокойно. У афишной тумбы метрах в тридцати от штаба стоял непонятный хлопчик в пиджаке кургузом, но он если и пас Брехта, то никак не проявил радости по поводу его триумфального появления. Почему триумфального? Да Брехт ход конём сделал. Зашёл в школу неподалёку и спросил, есть ли учащиеся в школе или все на каникулах. Есть, говорят, десяток двоечников, что пришли экзамен пересдавать.

– Замечательно. Давайте я их на экскурсию в штаб 8-й армии отведу. Из пистолета дам шмальнуть. Они тогда экзамен вам на пятёрку сдадут.

Армию в стране любили, и директриса с завучем с радостью пошли с детишками и Брехтом. Провёл их генерал по кабинетам и на пустыре за зданием штаба и правда дал из нагана стрельнуть каждому по разу, в том числе и завучу с директрисой.

Ночевал Иван Яковлевич на том же месте между двумя

большущими соснами в лесу. На этот раз не поленился, наломал побольше еловых лап – и под себя постелил, и сверху накрылся. Рожу обтёр несколько раз срезанной с берёзы берестой, слышал где-то, что это отпугивает комаров. Что уж помогло, береста, ветки ели или, может, крепкий сон, но спал в эту ночь Иван Яковлевич как убитый. Н-да. Не сильно долго осталось.

Тот же выюнош в кургузом пиджаке у штаба маячил. Пасли, выходит. Но опять никаких телодвижений от этого чекистика не последовало. Стоял, семечки лузгал, словно плевать он хотел на всех Брехтов.

А вот когда генерал-лейтенант вечером вышел из запасного хода, то сразу понял, что всё, это эпилог. Человек десять товарищей стояло. И в форме госбезопасности, и милиционеры со своими смешными петлицами в белых гимнастёрках, и штатские были. Сначала решил Иван Яковлевич вернуться в штаб, но так погано на душе стало, что он передумал. Выбрал кучку именно чекистов в фуражках с тульей светло-синего (василькового) цвета и околышем крапового и направился к ним. Эти товарищи стали поворачиваться, за оружием не тянулись, но и руки к козырькам, честь отдавать, не тянули. Старший был с двумя шпалами. Большой начальник у них, наверное.

– Ты, сучонок, чего генералу честь не отдаёшь?! – подошёл к нему вплотную Иван Яковлевич, да как гаркнет.

– Я...

– Головка! – Брехт выхватил из кармана вальтер трофейный и разрядил в эту группу васильковую его полностью. Десять патронов в немце, всем шестерым хватило. Старшему лейтенанту этому одну пулю в живот, вторую в центр груди. Ещё и на двух штатских пуль хватило. Менты стояли и только начали хвататься за застёгнутые кобуры, когда Брехт выхватил уже из своей кольт и навёл на них, предлагая стволом сойтись им поближе.

– Оружие аккуратно вынимаем и бросаем в кусты.

Милиционеры не поняли. Храбрые, один дёрнулся, Брехт ему в колено выстрелил, а вот рывок второго пропустил. Тот успел достать наган. Иван Яковлевич его опередил и выстрелил первым, но, падая, сержант милицейский успел потянуть спусковой крючок. Пуля вошла в грудь Брехта прямо по центру, перебила аорту, и он, захлёбываясь кровью, стал опускаться на непослушных ногах в пыль двора. Рука выпустила пистолет, и последним усилием уже мёртвый почти Брехт сунул её в карман и сжал синий кристалл.

Глава 3

Событие седьмое

*У глупца есть одно преимущество перед умным:
он всегда доволен собой.*
Наполеон I Бонапарт

– Прыщ, мелкий уродливый прыщ! – Пётр Христианович Витгенштейн вылетел из небольшого парка, что окружает построенный недавно на месте Летнего дворца у слияния Мойки и Фонтанки Михайловский замок. Вылетел на набережную Фонтанки и остановился, опершись о перила. Внизу была занесённая снегом река и по протоптанным внизу тропинкам шли люди, придерживая шапки и шляпы. Ветер дул презрительный.

Пётр Христианович горько хмыкнул. Со шляпы, точнее с треуголки, всё и началось. Или всё закончилось, чёрт бы её подрал. А ещё лучше того, кто издал этот идиотский указ, черти бы забрали к себе. Лишь пять дней назад он прибыл из своего небольшого имения в местечке Студенцы недалеко от Подольска Московской губернии. Прибыл в Петербург на Рождество. Был зван самим императором Павлом в честь признания его заслуг. Жену Антуанетту и маленько-

го совсем сына граф оставил в имении, а сам, приехав в Петербург, поселился у своего бывшего командира Валериана Зубова в доме на Миллионной улице. Погода тогда была отличная, и генерал-майор решил прогуляться по набережной пешком. Насиделся в возке под медвежьей полостью за почти тысячу вёрст, что пришлось из Подольска до Санкт-Петербурга преодолеть. Аж качало. Вот и решил пройтись – ноги размять.

И ведь забыл совсем про новый указ императора, тот их такую прорву за эти четыре года наиздавал, что все выучить и запомнить просто невозможно. Но про этот указ знал и даже как-то обсуждал его с Антуанеттой, посмеиваясь над очередной причудой императора. Проходя мимо Зимнего дворца, всякий должен был снять шляпу или шапку. А он шёл себе по набережной, и только когда к нему подступил, преграждая дорогу, поручик – заместитель квартального надзирателя, и приказал следовать за ним к будке, чтобы записать данные для дальнейшего вынесения штрафа, вспомнил о сём указе Павла Петровича.

Человеком Пётр Христианович был не богатым и резким в решениях, оттолкнув служителя закона, он развернулся и пошёл назад. Вот ещё, он почти в фаворе у императора, недавно вот поставлен шефом Мариупольского гусарского полка, которым до него командовал сам князь Багратион.

Однако этот клещ впился в него, а тут и два дворника подоспели. Пришлось и штраф уплатить, и бумагу какую-то

подписать. Граф с расстройства вернулся чуть не бегом к Зубову во дворец и выкушал бутылку коньяка французского. Утром голова побаливала, но Пётр Христианович поправил здоровье принесённым слугой бокалом шампанского, да и забыл про этот неприятный инцидент. Как же, генерал и граф с дворниками подрался. Чем уж гордиться?

Дом, в котором генерал-майор Витгенштейн остановился, был знаменит на весь Петербург. Начать стоит с того, что раньше он принадлежал самому Густаву Бирону. Да и потом дом был на виду. Ещё пять лет назад он принадлежал супругам Дивовым. Елизавета Петровна Дивова была фрейлиной самой императрицы, но там случилась тёмная история с эпиграммами и карикатурами на матушку государыню, и Дивовы покинули Петербург, обосновавшись в Париже.

Находясь в столице Франции, супруги Дивовы, по слухам, взяли на откуп у полиции игорный дом, который стал приносить им огромные прибыли. Набив сундуки золотом и серебром, Дивовы вернулись в Петербург. Они привезли с собой в Россию все модные парижские привычки и принимали утренних посетителей, лёжа на двуспальной кровати в высоких чепцах с розовыми лентами.

Принимать было кого. Вернувшись в Петербург, Елизавета Петровна широко открыла двери своего гостеприимного дома на Миллионной стекавшимся в столицу эмигрантам из Франции, так что её розовая гостиная даже получила прозвище «маленького Кобленца». Это прусский город, где по-

сле Великой французской революции сформировался центр французской эмиграции.

В январе 1795 года дом Дивовых сама императрица купила в казну для последнего своего фаворита – князя Платона Зубова, но, по словам самого Зубова-старшего, в действительности он предназначался для его брата Валериана. Дело в том, что осенью 1794 года, участвуя в подавлении польского восстания под предводительством Тадеуша Костюшко, младший Зубов лишился ноги. Государыня проявила к несчастному большое участие: она собственноручно написала ему письмо, прося вернуться в Петербург. За ним послали дормез и дали 10 тысяч червонцев на дорогу. На каждой станции его ожидала безумная по щедрости подстава в сто десять лошадей. По прибытии ему были пожалованы орден Святого Андрея Первозванного, чин генерал-поручика и 300 тысяч рублей на уплату долгов. Тот ещё был мот и картёжник. Но и храбрец беспримерный.

Сам Валериан Зубов рассказывал несколько лет назад графу, что представился он государыне в кресле на колёсах и что, увидев его, она не могла удержаться от слез и новыми подарками старалась доказать свое сочувствие. Среди этих подарков оказался и дом на Миллионной. Из-за отказа графа ограничить потребление горячительных напитков и табака, мешавших лечению, выздоровление серьёзно затянулось. Ещё дольше не удавалось подобрать удачный протез, пока, три года спустя, английские врачи не сделали наконец графу

искусственную ногу, позволившую ему ездить верхом, сутками оставаясь в седле. Пешком, правда, ходил со скрипом.

Ходил!!! Мысль с дома вильнула в голове генерала назад к нынешнему императору. Он же что сделал, как на трон взобрался. Чуть не в первый день простил и отпустил в Америку этого бунтовщика Тадеуша Костюшко. За что они там, в Польше, кровь проливали, за что лишился ноги Валериан Зубов? Чтобы этот недомерок, прыщ курносый, снабдил этого бунтовщика деньгами и отправил в Америку. Пётр Христианович в запале имел неосторожность произнести это в одном из собраний вслух. Тогда последствий не последовало. Вот сейчас последовали. Утром его вызвали курьером в Михайловский замок, и там Павел целый час орал на него, все мыслимые грехи на голову ошалевшего от такого натиска генерала возложив. И тот упрёк, связанный с освобождением бунтовщика, и тот случай с несовпадением оттенка голубого и жёлтого цветов в мундирах в его Ахтырском легкочонном полку. Одинаковая должна быть, по мнению этого прыща, форма. Как будто гусары её красят. Перешить велел. Да у некоторых ахтырцев одни долги, где им взять денег на новую форму. А теперь вот до него, прыща этого, дошёл и случай на набережной у Зимнего дворца. Наорал. Сказал, что уволен генерал будет сегодня же из армии и должен безвыездно сидеть в своём имении в местечке Студенцы невдалеке от Подольска Московской губернии. А покинуть Санкт-Петербург графу Витгенштейну надлежит в течение

трёх дней.

Пётр Христианович пнул сугроб, поплотнее закутался в епанчу и побрёл к дому, знаменитому на Миллионке. Там он взял из буфета в гостиной две бутылки коньяка «Камю» и большой фужер. И в одиночку оприходовал обе бутылки без всякой закуски, не считая же закуской порезанный лимон.

Как отрубился в беспамятстве, генерал-майор граф Пётр Христианович Витгенштейн не помнил.

Событие восьмое

*Плохая память – это не когда плохо
запоминаешь. Это когда запоминаешь плохое.*

Томи Гретцельз

Иван Яковлевич осознавал себя постепенно. Осознание приносило только самые-пресамые отрицательные эмоции. Раскальвалась голова. И это не грипп там, или какое другое ОРВИ, голову раскальвало. Это было похмелье. Разные, мать его, ощущения. Во рту блудили ночью здоровущие кошки и они там гадили и гадили и... и снова, собаки эдакие, гадили. Ещё в груди томление было. Хотелось склониться над унитазом и поугагать его обитателей. Позывы уже, видимо, были не первые, так как открывшийся неожиданно глаз обнаружил на дорогушем наборном паркете, прямо произведение паркетного искусства, следы ночных недобегов к унитазу. Не комильфо. Ещё хотелось в туалет по-маленькому. А нет, по-маленькому, но помногу.

Брехт открыл второй глаз. Он лежал в музее на кушетке или тахте. Чем они отличаются? Потолок с лепниной и росписью, двери с золочением. Колонны. Со всякими золотыми тоже капителями. Картины на стенах. И как там в «12 стульях»: «Мебель из дворца». Стулья работы мастера Гамбса, золото-полосатые такие с подлокотниками. Красота.

– Господин конт! Господин конт! – потряс Брехта за плечо

кто-то с противоположной от его готового выдать очередную струю рта стороны.

Конт? Ну и фамилия?! Или это не фамилия?

А знает кто-нибудь, почему у графа де Ла Фер сын был виконтом де Бражелоном? Де Ла Фер, это который песню поёт «Есть в графском парке чёрный пруд». Конечно, все знают. Это потому, что пока граф жив, его старший сын носит титул виконт. Так в сноске к книге написано, ну или в википедии. Это даже и не половина правды. Это стопроцентная ложь. Хорошо. Это маленький кусочек правды, которую написал не разбирающийся в этом человек.

На самом деле во Франции нет ни одного графа. А раз нет ни одного графа, то и сыновей у них нет. А, мать его, граф де Ла Фер? А виконт, тут уж точно, мать его, де Бражелон? Вот тут и порылась собака. Графы – это в России и немецких всяких землях. Во Франции похожий на это титул звучит – конт. Конт де Ла Фер. А сын? А сын «вице конт» или сокращённо виконт. А как внук графа – конта во Франции называется? А просто шевалье – НЕтитулованными дворянами, но с сохранением звонкой фамилии. Дедушка умрёт, виконт станет контом, а шевалье виконтом. Только это всё касается старших сыновей. А младшие просто шевалье.

– Господин конт.

Кстати, про переводчиков книг. В Германии нет никаких баронов. Германский титул фрайхерр у нас обычно переводят как барон, но это неправильно: фрайхерр – мелкий, но

СУВЕРЕННЫЙ властитель, так что фрайхерр Мюнхгаузен имел полное право объявить войну Англии, не спрашивая никакого герцога! Вспомните фильм.

– Господин конт. – Брехта опять потрясли за плечо.

Конт пошевелился, пытаясь привстать, и зелёная желчь решила этим воспользоваться и устремила наружу.

– Охти, батюшки. Чё деется, – каблуки застучали по музейному паркету.

Охреневший посетитель, чего тапочки специальные на ботинки не надел, такую красоту загубит каблучищами. Иван Яковлевич откинулся назад на подушку. Огромная какая. Не пожалели лебедей. Снова оглядел музей чуть прояснившимся взглядом. Где тут у них туалет? Брехт попытался сесть. Вот хрень-то, в сапожищах грязных огромных, по колёно, на музейную тахту улёгся. В кальсонах каких-то. Придурился, конечно. Понимал там далеко на задворках болящей головы, что перенос в новое тело синий кристалл осуществил. Теперь бы узнать, что за тело такое попало и какой сейчас год. Вот все попаданцы этот вопрос сразу первому встречному же задают или календарь на стене висит. Брехт оглядел музейную залу. Портреты в основном. Итальянцы рисовали. Календарей на стенах не было. В Эрмитаже, что ли, смотрителем работает? Стоять! Бояться! Какие вопросы и календари! Где голубой порошок?

Ох, египетская сила! Под кушеткой-софой и рассыпался, и часть он облевал, вот только что. Забыв про боль головную

и про желание облегчить душу, Иван Яковлевич свалился с софы и принялся собирать кристаллики и в рот совать. Попроще, чем в прошлый раз в поезде, там грязный рифлёный железный пол, а тут сверкающий чистотой музейный паркет.

– Господин конт!!! Что ви витворяете? – Чего он кричит. Ну, надо человеку грязь с пола слизать. И как можно быстрее.

Товарищ оказался в шитой золотом ливрее. Генерал какой или министр? И говорит с непонятным акцентом.

– Подожди, родной. Сейчас. Воды бы мне испить, – отмахнулся от министра Иван Яковлевич и стал собирать и записывать в рот уцелевшие голубые крупинки.

– О? Vous avez besoin d'eau. Въям нужина о?

– Ого-го. Стоять. «О» – это вода по-французски. Я, я, мни нужна вода – «О». Тьфу. Воды принеси.

Кристаллики начинали действовать. Словно покрывало с книжной полки, заставленной знаниями, сползает потихоньку. Это министр с ним по-французски говорил. Стоять. Да и не министр это никакой – это слуга графа Валериана Зубова. А он на самом деле конт. Он граф и целый генерал-майор Пётр Христианович Витгенштейн. А точнее – Людвиг Адольф Петер цу Зайн-Витгенштейн-Берлебург-Людвигсбург. Адольф, твою налево! Стоп. Он уже и не генерал никакой, его же вчера сам лично император Павел Петрович разжаловал и в ссылку в родное имение отправил, как и Суворова раньше. Как и ещё, если верить Радзинскому,

триста с лишним генералов. Крут стервец. Прыщ курносый.

Событие девятое

*Воспоминания делают тебя таким, какой ты
есть сегодня.*

Эрих Мария Ремарк

Через пару минут, слизнув последнюю голубую крупинку, собранную с облёванного зелёной желчью пола паркетного, и запив принесённой «министром» французским водой из гранёного стакана, Брехт понял, что всё хреново. Опять всё наврали. Говорят же в будущем, что скульптор Мухина изобрела гранёные стаканы, а вот Мухина только через сотню лет родится, а стакан уже гранёный, ну, может, граней поменьше. Хреново не от этого. Количество граней на стаканах он поправит, нужно же прогрессорствовать. Пусть главной целью будет доведение количества граней на стаканах и рюмках до оптимального значения. Шутка. Хреново то, что почти половину кристаллов он потерял в борьбе с желчью, находящейся в желудке. И это конкретно сказалось на возвращении памяти реципиента. Он ничего не помнил ни про детство, ни про юность графа Витгенштейна. Первое воспоминание, которое всплыло в голове больной, это подавление восстания Костюшко в 1794 году, когда он, или, вернее, Пётр Христианович состоял волонтером при корпусе соратника Суворова генерал-аншефа Виллима Христофоровича Дерфельдена в Литве. Потом участвовал в штурме

Праги. А через полтора года, в 1796 году был переведён в корпус графа Валериана Зубова, действовавший на Кавказе, и участвовал во взятии Дербента. Потом гонка в Санкт-Петербург с ключами от города Дербента, которые он вручил императрице Екатерине.

А ни родителей не помнил, ни братьев. Даже когда и где родился. И ещё проблемка была: вместе с детством выпало почти полностью знание французского языка. Этот вот слуга ливрейный Валериана Зубова что-то лопочет на языке Вольтера, а Брехт его с пятого на десятое понимает. И это огромная проблема ведь. Сейчас всё дворянство Российской империи говорит на французском. Как жить в стране, не зная этого языка? Брехт застонал от досады и плюхнулся на живот, может немного кристаллов под тахту эту закатилось. Под софой обнаружился керамический ночной горшок и, о счастье, несколько десятков кристалликов. Иван Яковлевич их слизал и вспомнил жену с двумя детьми, ну, с родившимся и, наверное, родившимся уже, а вот с французским – затык.

На горшок хотелось, но над душой стоял этот ливрейный министр.

– Геть отсюда. Ты это, товой-судой, все в сад. Пошёл на фиг. – Замахал руками на благообразного в белом кучерявом парике. Вытащил потом горшок и показал «министру», чего сейчас делать собрался.

Этот гад и не думал выходить, только рожу постную сделал. Ну, чего уж, что, Брехт в компании стволы деревьев в ле-

су не поливал после марш-броска? Достал, чего было в штанах, и зажурчал. И ведь так и не отвернулся засранец ливрейный. Потом с достоинством принял закрытый горшок и удалился. А Иван Яковлевич снова на пол плюхнулся, кристаллики голубые выскивая. Эврика. За ножкой софы он десятков не заметил. Слизал, ещё покрутился, чуть в лужу зелёную не залез. Штук пять ранее не замеченных усмотрел. И их слизал. Сел на кушетку. Зажмурил глаза. Парле ву франсе.

Parlez-vous français, monsieur? Чуть получше стало, не зря пыль под софой вытирал парадным генеральским мундиром. Впервые взглянул на грудь внимательно. Два ордена сверкают. Снова зажмурился, вспоминая, за что реципиент их получил. Вспомнил. Ну, выходит, не всё пропало, гипс не снимают.

Орден Святого Георгия 4-го класса получил ровно пять лет назад первого января 1795-го – за отличное мужество, оказанное 18 октября при атаке польских мятежников при местечке Остроленке, где он ударил с эскадроном на батарею и взял пушку.

И ещё орден Святой Анны 3-й степени. Этот за Дербент. И самое интересное, что Екатерина Алексеевна вручить не успела, и награждал уже Павел. Ещё есть крест. Прикольный. Это как бы и награда, и нет. И называется вообще странно: Крест «За взятие Праги». И при этом в Чехии, ну, или сейчас Австро-Венгрии не воевал. Прага – это предместье Варшавы. Тоже выдавали тем, кто разгромил войска Костюш-

ко. Ввела тогда такую награду Екатерина II для поощрения участников штурма Праги (предместья Варшавы). По существу, это медаль, носимая на георгиевской ленте. И все награды пока. Негусто для боевого генерала.

Ну, все войны с Наполеоном впереди, ещё заработает наград.

Глава 4

Событие десятое

«Невозможно» – это не по-французски.

Наполеон I Бонапарт

– Кхм, монсеньор конт, – опять появился ливрейный.

– Дэзоле же не парль па франсэ. Же не компран па. – Брехт сам ошалел, с какой скоростью французские фразы из него посыпались. Пронесло. Или сейчас пронесёт. Живот противно заурчал. – Иль мё са’мбль кё³ обкакаюсь. – Брехт отобрал горшок у «министра» французского и, заломив ему руку милицейским приёмом, выдворил его за дверь. После чего попытался взгромоздиться на горшок.

Это был квест. Реципиент был гигантом. Метр девяносто точно. И сапоги, ага ботфорты, ещё с высоченными деревянными каблуками, ну, как в фильме у д’Артаньяна. И хрен ноги согнёшь, чтобы угнездиться на низком горшке. Извращенцы чёртовы, не могли повыше горшок придумать. Пришлось его с пола переносить на стул товарища Гамбса. Осквернение антиквариата.

Вынес потом керамическое чудо сантехническое и всучил

---

³ Мне кажется, что.

ливрейному.

– Господин граф, с вами хочет переговорить его сиятельство граф Зубов. Он ждёт вас на чашку утреннего кофе. Я провожу. – Но глянул на горшок, изрядно, кстати, пованивающий, и добавил: – Через пару мгновений.

И ведь на чистом русском говорил, пусть и с небольшим грассированием. Слышал как-то Иван Яковлевич, что француза практически невозможно выучить говорить по-русски без акцента. Вернулся товарищ и правда быстро и без украшенного васильками фарфорового чуда.

– Прошу вас следовать за мной, ваше сиятельство. – Ну, а чего, неплохо в этот раз попал, не в крестьянина, а в целого сиятельство и генерала. Стартовая площадка на порядок лучше предыдущей. Может, это по возрастающей работает. И в следующий раз вообще в императора попадёт. Умереть нужно срочно. А нет. Кристалла нет. Да и кофе хотелось.

– Веди меня, Гермес⁴.

– Гюстав. Ваше сиятельство.

– Да пофигу. Главное, быстрее, голова раскалывается. Кофею хочу выкушать.

Шли по анфиладе комнат до лестницы, потом поднялись на третий, наверное, этаж и опять пару комнат насквозь прошли. Вот, нечестно. Валериан же из такого же бедного дворянского рода, а вот забрался Екатерине Алексеевне пару раз

---

⁴ Строго говоря, Харон – всего лишь перевозчик, а проводник мёртвых в их новый мир – Гермес.

следом за братцем под юбку – и вон какой дом. Везде паркет красивый узорчатый. Всякие гобелены с картинами. Стены тканью золотой задрапированы. Мебели всякие белые с золотом. Через столовую проходили, так там серебряная посуда стоит горой целой, как только стол такой вес выдерживает. А ещё имения и под Москвой и в Прибалтике. А тут одна малюсенькая деревенька в сорок душ под Подольском и к тому же в недавнюю эпидемию чумы почти половину крестьян и дворни померли. До сих пор пара домов пустует в деревеньке. Несправедливо. Витгенштейн, вон, какой носорог, не мог императрице понравиться.

Брехт остановился у большого зеркала в пол на стене одной из комнат. Оглядел реципиента с головы до ног. Мать твою за ногу. Красавчик. А, нет. Красавчег. Нос орлиный. Кудряшки, глаза нордические, синие. Усики прикольные. Бакенбарды тоже ничего. И гигант с развитыми плечами. Ну, немного помят после возлияния, и мундир, и рожа лица. Мундир, кстати, синий с золотыми позументами и галунами всякими. Так понять и простить можно Петра Христиановича за помятость. Не каждый день на тебя император, хоть и малахольный, кричит и не каждый год тебя из армии без пенсии выгоняют под зад коленом. В деревню к тётке, в глушь, в Саратов. Из генералов и любимчиков, бац – и в ссылку. А жить, спрашивается, на что? Жена опять с ребёнком малолетним. Прыщ курносый! Иван Яковлевич взбаламутил кудряшки на бедовой головушке и пошёл дальше за

«министром» ливрейным.

Валериан Александрович сидел в глубоком кресле возле низкого столика, который потом назовут «журнальным», закинув настоящую ногу на деревянную. Не, был в таком же голубом мундире и штаны деревяшку скрывали, но не закинешь же деревянную ногу поверх здоровой. Пётр его отлично знал, в Дербенте вместе воевали и потом десятки раз пересекались. Чуть быстрее рос в чинах бывший командир. В 1792 году пожалован генерал-майором, в 1793 году вместе с братьями и отцом возведён в графское достоинство Священной Римской империи. Потом был Дербент и дербентский хан Ших-Али был захвачен им в плен. Там дальше был забавный эпизод, которому Пётр Христианович был свидетелем.

Вечером того дня, когда Дербент – «золотые ворота Кавказа» – был занят русскими, в лагерь к Зубову с большой свитой женщин приехала просить за брата сестра пленного хана персидская принцесса Хараджи-Ханум, славившаяся красотой и умом. Ну, по непроверенным слухам. Пётр Христианович с ней в дурачка подкидного не играл и проверить ум не мог. А красота, так в кисеях и чадрах всяких. Как проверить? Лезть под платья? Так получишь по мордам. Граф Зубов уважил её просьбу и разрешил остаться с братом до утра, строго запретив кому бы то ни было приближаться к их палатке. Отпустив наутро гостью в город, Зубов поставил её во главе совета правительницей владений брата, которого оста-

вил у себя в качестве заложника. Екатерина II поведение Валериана Александровича с принцессой «весьма одобряла», находя, что он поступил с ней «как честный человек», порыцарски, и послала ей в подарок перо, серьги и перстень. Про принцессу, оставленную править, Екатерине Алексеевне докладывал сам граф Витгенштейн, посланный Зубовым в Санкт-Петербург с ключами от Дербента.

Зубов тогда был возведён по старшинству в генерал-аншефы, а Пётр Христианович только в полковники. Правда, через полгода стал генерал-майором. При Павле, как и все Зубовы, Валериан попал в опалу и был возвращён из ссылки всего несколько дней назад.

Все эти три с лишним года Валериан жил в Хорошёво, близ Москвы. Не так и далеко от имения Петра. Несколько раз генерал посещал бывшего командира, несмотря на то что тот был под строгим надзором московского военного губернатора графа Ивана Петровича Салтыкова. В конце 1800 года Зубовы были возвращены из опалы, граф Валериан был восстановлен на службе в чине генерала от инфантерии и поставлен во главе Второго кадетского корпуса. Отобранные имения ему Павел вернул.

Павел сам своих будущих убийц всех в Петербурге собрал.

Событие одиннадцатое

Не желайте здоровья и богатства, а желайте удачи, ибо на «Титанике» все были богаты и здоровы, а удачливыми оказались единицы!

Уинстон Черчилль

– Присаживайся, Пётр. Коньячка? – Валериан провёл рукой над столом, на котором с полдюжины различных бутылок стояло.

Иван Яковлевич прислушался к ощущениям позаимствованного у Петра Христиановича тела. А что, не помешает для поправки здоровья.

– Да, от ста грамм не откажусь.

– От ста чего? – Говорили по-французски, Брехт ещё иногда подбирал слова, но в целом теперь язык Гюго тайной за семью печатями не был. Впритык, но синих кристалликов хватило. А все бы слизал, так ещё и китайский бы уразумел?

– Грамм. – Ёкарный бабай. Да ведь метрическую систему ещё не ввели. Ещё чуть не век всякие фунты будут. Большевики введут, кажется. Стоп. А во Франции-то как раз сейчас метрическая система. Пять лет назад ввели, потом со свержением Наполеона снова отменяют. Или нет? – Грамм, это масса одного кубического сантиметра воды.

– Чего? – по-русски чивокнул граф. Даже чашку отставил с кофеем, очевидно двухчасовую лекцию по физике ожидая

услышать.

– Французы ввели новую систему измерений. Литр воды или кубический дециметр... Ладно, понял, не дурак. Рюмочку выкушаю. Для поправки здоровья.

– А и я с тобой. – Валериан мотнул головой, и стоящий за ним другой ливрейный, с чуть меньшим количеством золота на ливрее, наполнил две такие приличные фужерины коньяком. Там не сто грамм, там все двести было.

– А, потерявши голову, по волосам не плачут! – И Брехт двумя большими глотками в себя «Камю» вбулькал. – Хорошо. Лепота. Лепота-то какая.

– Странный ты сегодня какой-то, Пётр. Из-за прыща этого?! Так не... Замнём. Что делать собираешься? – Зубов снова кивнул второму «министру», и тот из турки настоящей, что стояла на песке у камина, налил Петру (пусть уж будет Петру) в красивую кофейную чашку на пару глотков тёмно-коричневой бурды. По-турецки пьёт кофий граф Зубов. Там в чашке один осадок, жидкости-то нет. Зато крепкий, как чёрт-те что.

Пётр Христианович сделал, обжигая губы, малюсенький глоток и пожал плечами.

– Выбора-то нет. В имение подольское поеду. Хозяйством и охотой займусь.

– Н-да. Сам три года... Ну, да ладно. Не долго... А... Слушай, Петруша, а хочешь, я тебе тысячи две рубликов серебряных одолжу. Вернул мне деспот этот имения и доходы с

них. Не ожидал, если честно. Думал, сдохну в деревне.

– Так чем я отдавать буду? Там не имение, а название одно. – Отгородился руками Пётр.

– Ерунда. Ну, тысячу. Это ненадолго. Да и я не обеднею, а там получишь награду за какую викторию и отдашь. Гюстав! – Зубов поманил рукой первого «министра», стоящего в дверях этой кофейни. – Приготовь тысячу рублей серебром для их сиятельства.

Брехт другими глазами посмотрел на будущего цареубийцу. Мот, картёжник, бабник, и т. д. и т. п. А вот тысячу рублей взял и подарил, можно сказать, товарищу. Товарищу по несчастью. А ведь не зря на него тогда Екатерина глаз положила. Даже сейчас ещё красавчик. Нет. Красавец. Правильный овал лица, улыбка с ямочками, может, чуть женственное лицо. Чересчур красивое.

– Спасибо. – Блин, а как его называть. Тогда был вашим высокопревосходительством. В Дербенте. Нет, и сейчас тоже, хоть чин и другой присвоил Павел. Генерал от инфантерии. Этот чин был вновь введён Павлом I в конце 1796 года вместо чина генерал-аншефа. Соответствует 2-му классу Табели о рангах, с обращением «ваше высокопревосходительство». Если на гражданские звания переводить, то это – действительный тайный советник. – Спасибо, Валериан.

– Брось, Петруша. Стой. Хочу тебе шутку одну показать. Нет. Подарок один сделать. Полиевкт, зови сюда конюха нового.

Второй ливрейный низко поклонился и задом вперёд вышел из комнаты, там чего-то гугукнул, Валериан в это время налил снова по полной в фужеры коньяка.

– Не, не. Мне больше не надо, голова со вчерашнего трещит.

– Вот и подлечим. Сейчас распоряджусь, закуски организую. Тебе сколько дней дали на выдворение из Петербурга?

– Три.

– Всё. Сегодня заливаем твою отставку. Не бойся, скоро вернём тебе эполеты. Тут...

– Ваше сиятельство, привёл Прохора. – За ливрейным вторым (Полиевктом?) в комнату вошёл здоровущий мужик.

– Ага, а ну, Прошка, сюда на всеобщее обозрение выйди. Платон купил на днях и мне подарил, а я как его увидел, так сразу про тебя вспомнил, Петруша. Смотри.

Н-да. Бывают же... Как там – чудеса. Перед Иваном Яковлевичем Брехтом стоял ещё один Пётр Христианович Витгенштейн. И рост, и горбатый римский нос, и ширина плеч, и даже тёмно-синие глаза. И низко посаженные скулы. Подстричь, так родная мать не отличит.

– Дарю.

– Кхм.

– Боишься, жена перепутает, – гоготнул бывший фаворит, – Полиевкт, прикажи оформить бумаги. Купчую там. Тост с тебя, Петруша, – Зубов снова наполнил фужеры.

Не частим... Это уже бутылочка вовнутрь получится?

Тост? Вам хочется песен? Их есть у меня.

Редко, друзья, нам встречаться приходится,
но уж когда довелось,
вспомним, что было, выпьем, как водится,
как на Руси повелось.

Встанем, товарищи, выпьем за гвардию,
равных ей в мужестве нет.

Тост наш за Родину, тост наш (за Сталина)
за Магушку,
тост наш за знамя Побед!

– Стоять. Да ты пиит, Пётр Христианович. Подожди, не пей. Сейчас за Платоном пошлю. Такой тост он должен услышать.

Событие двенадцатое

*Деньги – подарок, который каждому подойдёт
по размеру.*

Зигмунд Графф

Домой в Подольск Пётр Христианович поехал не на перекладных. Натерпелся, пока добирался по приглашению Павла из Москвы.

Сейчас на далёкие расстояния можно было передвигаться или в личном экипаже, со своим кучером да на собственных лошадях или же на почтовых, которые и есть «перекладные». Чтобы передвигаться на своих, нужно быть не бедным совсем человеком, да и мероприятие это не менее долгое и весьма и весьма хлопотное, лошадей нужно часто останавливать для отдыха и кормления. И один чёрт, это будет та же станция или яма. Езда же на почтовых – перекладных – возможна только лишь на больших почтовых трактах, то есть на дорогах с движением почтовых карет между станциями (ямами, отсюда и пошло название «ямщик»). Одной из немногих таких дорог и был тракт Москва – Санкт-Петербург. Станции располагались друг от друга верстах в тридцати – тридцати пяти. В Москве граф Витгенштейн в уездной полиции выписал подорожную, являющуюся по своей сути свидетельством на право получения почтовых лошадей, причём получению согласно занимаемому предьявителем чи-

ну и званию. Пётр, хоть и был приглашён императором на празднование Рождества, ехал на почтовых «по казённой надобности», поэтому полагалось ему не более трёх прогонных лошадей. На почтовой станции путешественником стационарному смотрителю предъявлялась подорожная, которую тот регистрировал в своей специальной книге и принимал от дебила, зимой куда-то спешащего, положенную за проезд плату. После этого, при наличии свежих лошадей, путник ехал себе до следующей станции, где повторялось всё то же самое, что и на предыдущей. Плата, называемая «прогонной», берётся «повёрстно», то есть с каждой версты, и составляет по три копейки за десять вёрст на каждую лошадь.

Обстановка на почтовых станциях и сангвиника превратит в холерика или в неврастеника. Суетился замученный до смерти стационарный смотритель, нагнели высокие чины или просто нахалы, и главное – утомительное ожидание освобождённых лошадей. Но хуже всего – ночёвки в неблагоустроенных и тесных помещениях с клопами и вонью, ужасная кухня в трактирах, вечно всё недосоленное и подгоревшее.

Скорость передвижения по российским сугробам была весьма невысокая, от силы где-то по сто вёрст в сутки можно за день проехать. А ведь от Москвы до Петербурга со всеми зигзагами, с заездами в крупные города, километров восемьсот, а то и больше. На дорогу до Петербурга Пётр Христианович потратил кучу денег и времени, и всё для того, чтобы получить опалу и под зад коленом. Обидно, понимаешь.

Зато назад будет ехать с комфортом. И всё благодаря всем троим братьям Зубовым.

«Обмывание» царской немилости для графа Петра Христиановича на три дня и затянулось. Брехт контроль над реальностью почти потерял. Да у реципиента здоровущее во всех смыслах этого слова тело. Богатырь. Но литрами пить коньяк, запивая шампанским, – это перебор даже для богатырей. Братьям Зубовым хорошо. Один отрубится, второй приезжает. Потом третий – на второй день появился старший из троих – Николай. Тот самый, который, если книжкам верить, и нанесёт Павлу апоплексический удар золотой табакеркой. А на третий день в попойке приняли участие ещё два будущих заговорщика. Явился – не запылится Беннигсен Леонтий Леонтьевич, командир Изюмского легкоконного полка, которого Павел тоже отправил в ссылку, и только вчера возвращённый оттуда главным заговорщиком графом Паленом. А прямо за ним приехал послушать новый тост и человек, который потом задушит Павла шарфом – грузинский князь Яшвиль Владимир Михайлович – полковник, начальник конно-гвардейской артиллерии.

Вообще, эта компания Брехту не нравилась, ну в тот момент, когда он просыпался, расталкиваемый очередным гостем, чтобы тост великий про Матушку и Гвардию послушать. Сквозь пьяную одурь иногда пробивалось, что после обнимашек эти все товарищи какие-то подарки делали Петру Христиановичу. Так сказать, на дорогу, и чтобы не бед-

ствовал сильно в глуши своей. Царский подарок сделал Платон Зубов, прослезившись от тоста в пятый, наверное, раз. Дормез, на полозья поставленный, подарил и четвёрку лошадей из личной конюшни. Потом и Николай – старший из Зубовых отдарился. Этот дал тоже тысячу рублей, но ассигнациями и три дюжины коньяка в дорогу, потом ещё и перстень золотой с большим синим камнем с руки снял и Петру за пазуху сунул. Будущий главнокомандующий русских войск в сражении при Прейсиш-Эйлау против Наполеона товарищ Беннигсен подарил полсотни золотых имперIALов и штуцер швейцарский, от волков отстреливаться в дороге.

Князь же грузинский подарил два рога серебряных с дюжиной бутылок шампанского и странные монеты, пару горстей. Брехт, будучи нумизматом в первой жизни, про эти монеты слышал, но ни на одном аукционе не видел, да и вообще, ходили слухи среди нумизматов, что это утка, чтобы впарить лохам подделки. А вот оказывается, на самом деле эти монеты существуют. В правление Екатерины II чеканились так называемые монеты для дворцового обихода – золотые полтины, рублёвики и двухрублёвики. Якобы в карты при дворе на них играли. Видимо, князю Владимиру Михайловичу везло, вон, целых две горсти у самой матушки государыни выиграл.

А когда утром четвёртого дня графа Петра Витгенштейна вся едва проснувшаяся и протрезвевшая чуть компания со двора провожала, то Платон Зубов запихнул к нему в карету

девку какую-то в шубейке беличьей.

– Теплее в дороге будет. Согреет. Да, Петруша, она ска-
зочница знатная, любой Шахерезаде сто очков вперёд даст.
И тепло будет в дороге, и не скучно. Прощевай. Вскоре уви-
димся. Обещаю. Ещё и коньяк весь выпить не успеешь.

Глава 5

Событие тринадцатое

Здесь, что ни страница, мрачные всё лица,

Людоров и пиастров звон.

Роберт Луи Стивенсон.

Остров сокровищ...

Укатали Сивку крутые горки. В смысле уснул или отрубился Пётр Христианович, едва квадрига его тронулась. Ладно, ладно, не квадрига, дороги ноне не те. Цугом четвёрка была в огромную карету, на сани посаженную, запряжена. Но спящему способ «запряжения» лошадей не интересен. Ему бы подушку и ноги вытянуть. И вот тут закавыка. При росте метр девяносто. Э-м-м... Шесть футов три дюйма. Мундир строил когда портной в Москве, то сказал, Пётр запомнил и вот теперь у Брехта всплыло – сажень «без чети»⁵. Хлебнёшь тут горя с этими народными мерами длины. А вообще, всё довольно просто. Настоящая – государственная система мер – это практически точная копия английской.

Так вот, при росте сажень без чети вытянуться в каре-

---

⁵ Четь – это одна четверть аршина.

те этой не получалось. Колени свешивались с сиденья, и на каждом ухабе пьяная тушка норвила рухнуть в проход на пол. Несколько раз, почти упав, Пётр заснул сидя. Пробудился от того, что лошади остановились на первой яме и ещё от вони. Словно кто сдох прямо под носом. Граф потряс головой, остатки сна из неё вытряхивая, и мутными, но синими глазами уставился на попутчицу. Чего там Платон Зубов говорил – сказочница.

– Чего это? – Брехт спросил, имея в виду, почему остановились, но получил удивительный ответ.

– Прощения, барин, просим. Не праздная я, само сдеялось. – И удивительное дело, покраснела на всю физиономию. Хоть прикуривай.

– Сдеялось? – Иван Яковлевич не понял спросонья, чего тут сдеялось, и тут ответ получил. И звук характерный, и вони добавилось. – Сказка!!!

Пётр Христианович ломанулся на улицу. Ну, Платоша, мать вашу, удружил – подсунул непраздную девицу «погреться в дороге», да ещё и воздух портящую. Если она и сказки так же гениально рассказывает, как воздух портит, то заслушаешься и занюхаешься. 5D кинотеатр. И звук есть, и изображение, и запах. И плевать будет, если надо по сюжету. «Тьфу на тебя, Иван-царевич». А пятая опция? Так она про путешествие рассказывать будет. Какая сказка без путешествия главного героя?! А тут дормез этот санно-лыжный на ухабах покачивает. Полное погружение.

Пётр выпутался из медвежьей шкуры, что был укрыт, и вылез через порог дверцы дормеза, споткнувшись, на улицу. Запнувшись преизрядно и ногу зашибив. Время приближалось к обеду. Это ему желудок сообщил. Есть хотелось. Очень хотелось. Три дня шампусиком и коньяком питался. Огляделся. Как там двойника зовут? Прохор, Фрол, Полуевкт?

– Братец, – обратился он к задающему овёс в торбы лошадям конюху.

– Проснулись, ваше сиятельство, – приветливо улыбнулся великан. Сам такой.

– Запомятовал...

– Прохор, ваше сиятельство. – Как индеец стукнул себя кулаком в мышцы на груди конюх.

– Точно. Прохор. А скажи, Прохор, где мы?

– Царское Село эвон за поворотом. Станция первая от Петербурха. – Махнул рукой Прохор, и зерно просыпалось на утоптаный снег, куда сразу бросилась стайка воробьёв.

– Поесть хочется.

– Так их сиятельство, Платон Александрович, колбас и кур копчёных в дорогу наложили. И хлебушек свежий. Чего там-то травиться. Как бы холеру не подцепить.

– Ну, покорми лошадей. Потом мы с... А сказочную девку как зовут?

– Шахерезада.

– Серьёзно? – Шутник Платоша Зубов.

– Простите, ваше сиятельство. Дворян Хавроньей кличет. А по святцам Ефросинья. Благомыслящая по-гречески. – Ох и слуг ему Зубов подкинул. Конюх греческий знает.

– Хорошо, покорми лошадей, Прохор... Стоять. Бояться. А Прохор чего значит по-гречески?

– Идущий впереди, ваше сиятельство, – поклонился великан, смущённо так по-детски улыбаясь.

– Всё страньше и страньше. Ладно. Идущий впереди, покорми лошадей, а потом и нас с... Шахерезадой благомыслящей.

Возок проветрили, перекусили и дальше тронулись.

– Ефросинья, ты как решишь...

– Бзднуть?

– Э та сёр!⁶ С-сука. Ну, как решишь, так стукни Прохору. Выйди на улицу. Ну, в общем, будь коммуникабельней.

– Слушаюсь, ваше сиятельство. Сказку сказывать? – девица большущими глазами преданно на него глянула.

– А отец кто?

– Так Прохор же. Я уж вырвала у их сиятельства Платона Александровича, чтоб, значит, вместе отправил в ссылку.

– В ссылку? Н-да. Ладно, Хавронья, рассказывай свою сказку.

Ну, что можно сказать? Сказать можно, что читала девка про Бову-королевича или слышала от кого эти сказки.

– Ефросинья, а ты грамоте обучена? Читать, писать уме-

---

⁶ Et ta soeur! – «Твою сестру!», по смыслу «твою мать!» (фр.)

ешь? – дождавшись конца во-о-о-ол-шебного путешествия Бовы-королевича, превращённого в Ивана-царевича, спросил, зевая Пётр.

– Так точно, ваше сиятельство, и по-русски, и по-французски, и по-немецки. Матушка у меня у графа Салтыкова в дворне была. Вместе с его детьми училась. А потом и мне всё рассказала и научила. Ну, а после и я с детьми уже Сергея Васильевича у француза месье Николая училась. – Девушка потупилась.

Чего вдруг. Но тут запах долетел. Пришлось опять останавливаться. Что ж, дорога будет не скучной.

После второй станции, где Брехт решил всё же чашку кофею выпить (лучше бы этого не делал – бурда, третий раз неумело заваренная), сказочница уснула, а Пётр Христианович, привыкать же к новому имени надо, задумался о будущем.

Самое интересное, что про своего реципиента Брехт знал довольно много. И не специально там биографию читал, хотя, может и читал, но не она в памяти отложилась. Все сведения были получены из самых разных и порой неожиданных источников. Первый раз услышал о нём Иван Яковлевич, когда лечился в Трускавце. На воскресенье купил путёвку во Львов, и там гид, мужик в пиджаке, всё время на мову пытающийся перейти, хотя группа была очень даже русскоговорящая, рассказал, что вот тут, мол, в тогда ещё городе Лемберге, умер известный русский фельдмаршал князь Витген-

штейн. Проезжал мимо, можно сказать, в Баден-Баден на воды и скоропостижно помер. А остался бы местной воды выкушать и ещё бы долго небо коптил, москаль проклятый.

Второй раз Брехт столкнулся с фамилией Витгенштейн на экскурсии в Эрмитаже. Там есть специальный фельдмаршальский зал, и вот там, рядом с портретом Кутузова, висит и его нынешний портрет. Выходит, до фельдмаршалов Пётр Христианович дослужится. А ещё там есть перечень самых великих битв Первой Отечественной войны и опять рядом с Бородинской битвой упоминается победа Витгенштейна в сражениях под Клястицами. Спас он тогда от какого-то французского маршала Санкт-Петербург и заслужил всенародную славу. Сам Александр I объявил его «Спасителем Петербурга». А купечество столицы Северной какую-то очень солидную сумму в знак благодарности собрало.

И ещё не все сведения. Будучи нумизматом, Иван Яковлевич купил как-то монету Приднестровской Республики с изображением Петра Христиановича Витгенштейна. Оказывается, товарищ после выхода в отставку приобрёл себе имение в Подольской тогда губернии, ныне Приднестровье, и начал там разводить виноградники, привозя лозу со всей Европы. Можно сказать, был основателем молдавского виноделия. Монета была серебряная номиналом в сто рублей и обошлась в приличную сумму для простого учителя, а потому запомнилась. Эх, где сейчас та коллекция?

Последнее же знание про графа Витгенштейна касается

его сына. Он был декабристом, но его не повесили и не сослали в Сибирь. Не про него Пушкин стих написал. Там тоже круто, но без крови. Его – Льва Петровича – оправдали по личному приказу Николая и, дав полковника, отправили в отставку. Но это ладно. Лев первым браком женится на самой богатой невесте Европы – Стефании Доминиковне Радзивилл, наследнице несвижских Радзивиллов и фрейлине императрицы Марии Фёдоровны. Жена вскоре умрёт от чахотки, а Лев, после того как перебесится и женится вновь, уедет во Францию, сбежит оттуда в Германию, где в окрестностях Франкфурта-на-Майне они с женой приобретут полуразрушенный замок Сайн, бывшее родовое поместье Сайн-Витгенштейнов, и построят новый красивый замок в неоготическом стиле, за что прусский король Фридрих Вильгельм IV даровал Льву и Петру титул князей Сайн-Витгенштейн-Сайн. А потом и Николай подтвердит этот титул.

Вот эту историю Брехт знал не потому, что князьями интересовался. Он пытался книгу про попаданца написать и решил узнать про большие клады, которые бесследно исчезли. Порылся в интернете, там и всплыла будущая жена Льва Витгенштейна, а точнее её отец. Доминик этот Радзивилл – последняя сволочь, страшный русофоб, один из самых вредных врагов России.

Именно Доминик Радзивилл указал Наполеону место для переправы на реке Березина у деревни Студёнка, что и спасло французского императора от плена, а остатки его армии

от полного уничтожения. А вот перед этим, отступая уже, он и спрятал сотни пудов золота и прочих разных драгоценностей в родовом Несвижском замке.

Чем все попаданцы занимаются, провалившись в прошлое? Они клады ищут. В других книгах они грабят банки. Клад этот «сват» будущий ещё не спрятал, но...

Но! Выходит, сейчас эти сотни пудов драгоценностей и золота лежат в Несвижском замке. Грабить банки некрасиво. К тому же банков в 1801 году не лишку. А вот забрать то, что по закону должно было сыну достаться... Это просто восстановление справедливости. А справедливость обязательно нужно восстанавливать. На то она и справедливость.

Событие четырнадцатое

Никакая иная сила не сделает человека великим и мудрым, как это делает сила труда – коллективного, дружного, свободного.

Максим Горький

Почему все реформы, что проводил в стране Пётр I, удались, а реформы, что задумал и начал проводить Павел I, привели его к апоплексическому удару табакеркой золотой и почти все они после его смерти заглохли. При этом ведь практически всё, что хотел сделать Павел, было правильным. Ну, разве что муштра в армии и в ней же введение дебильной прусской формы были глупостью. Так эти ошибки выливаются опять из этого же вопроса. Так почему?

Элементарно, Ватсон. У Петра была команда, и он создавал эту команду. Только команда единомышленников способна на реформы. А Павел Петрович был одинок. Одиноким его сделала мать, отселив в Гатчину. И он уже вырос к сорока-то двум годам и сформировался, поздно было меняться. До власти-то добрался, а команды нет и с людьми работать не умеет, и не начал даже эту команду создавать.

Кто там из настоящих был при Павле? Ну, разве Аракчеев, который остался верен ему до конца. Граф Пален оказался лидером заговорщиков. А прочие – мелочь. Нет команды.

Есть ещё один нюанс, тоже немаловажный, и он вытекает

из того, что не было команды. Он пошёл против Англии. Без поддержки в стране, где почти всё общество высшее – англоманы. Англия поступила просто – организовала заговор. Зачем тратить миллионы фунтов на войну с союзом Франции и России, а, следовательно, через какое-то время и всей Европы, если можно за тридцать сребреников купить небольшую кучку заговорщиков.

Может ли Иван Яковлевич вмешаться и исправить ситуацию? Легко, всех заговорщиков он знает. Ему даже докладывать Павлу ничего не нужно. Он один с ними справится. Перестреляет или вырежет по одному. А вот надо ли это делать? Вопрос. Сумасбродный император может загнать страну чёрт-те куда. Сначала усилит до невозможности Наполеона, а потом поссорится с ним. И войну объявит. А справиться, теперь уже точно со всей Европой и даже не надеясь на союзников, не сможет. В сто раз хуже получится. Сейчас, ну не сейчас, а в ближайшее время, Наполеон создаст военную экономику. И с каждым годом она будет мощнее и мощнее и станет настолько мощной, если противовеса Англии не будет, что Россию раздавят, тем более имея такую пятую колонну в стране. Всё дворянство говорит на французском, предателей полно будет, а у власти никем не любимый, не имеющий команды, настроивший против себя всю армию и всех дворян, непредсказуемый Павел. Нет. Вмешиваться в процесс нельзя. Пусть Зубовы и компания заговор осуществят.

Александр, конечно, урод конченный. Но он хоть последовательный и предсказуемый урод. К тому же там есть несколько точек, которые можно попытаться в запятые превратить. Может, и повернётся со скрипом колесо истории. В прошлый раз не получилось. Нужно попробовать ещё раз. Ведь именно за этим его сюда синий кристалл и забросил.

И подсказку дал. Нельзя одному перевести стрелку на пути паровоза истории. Нужна команда. Нужно её создавать. Нужно стать членом Государственного совета и влиять на принимаемые решения. Витгенштейну это удалось в Реальной истории и без его помощи. Одной храбростью взял. Гусарскими наскоками. Ну, Брехт с его опытом и знаниями может и дальше пойти.

Команда. Ставим птицу. А ещё нужен стартовый капитал. И этот стартовый капитал есть у его свата будущего и одного из главных врагов России – Доминика Иеронима Радзивилла. Сейчас почти никто, просто самый богатый человек в Европе, ну, один из самых богатых. А вот с приходом к власти Александра, чёртова любителя поляков и полячек, станет аж камергером Русского Императорского двора. А это чин 4-го класса. Тогда с ним тягаться будет тяжело. Есть всего год, наверное, пока можно свата отправить в ад, не всколыхнув огромной волны. Ограбить Несвижский замок и повесить его хозяина. И ни грамма не жалко. Этот товарищ, обласканный Александром, наделает долгов, и надо же, когда император потребует вернуть их, переметнётся к другому императору

и целый полк на свои деньги создаст и примет активнейшее участие в истреблении русских людей.

Вот и цель в жизни появилась.

Событие пятнадцатое

Если после каждого падения ты находишь в себе силы, чтобы подняться, то, скорее всего, ты – синусоида.

Всё как и положено по закону жанра. Словно не в реальный мир попал, а в РПГ какую, где сценарий за тебя уже редактор или разработчик, как уж у них эта должность называется, написал и тебе ничего не остаётся, как следовать ему и только твои умения позволят это задание выполнить или откатиться к началу. Перезагрузиться.

На вторую ночёвку остановились в Новгороде. В Верхнем. В смысле в Великом. Километров двести проехали, если по петлявистым дорогам считать, и не много, учитывая, что экипаж свой. Но как всегда – человек предполагает... Вороной коренник потерял подкову. И пришлось искать кузню, там ждать очереди, потом ругаться с кузнецом, который оказался косоруким. Обжег ногу жеребцу. В общем, пришлось остановиться ночевать в Новгороде. Деньги были, Пётр Христианович сунулся в лучший постоялый двор и за пятнадцать рублей добыл себе комнату с клопами, а семейной паре сказочников место в людской. Хуже с лошадьми. При постоялом дворе был и каретник и конюшня, но там всё было занято. Не оставлять же лошадей зимой на улице. Пришлось

отправить Прохора в ям или на станцию, чтобы там счастья попытать. Телефонов нет, так что договорились так. Если не получится, то конюх возвращается, ну а если не вернётся, значит, всё сладилось и кони пристроены.

Прохор не появился. И тут Пётр понял, что две корзины с продуктами в дормезе забыли, и придётся идти есть в ресторацию какую-нибудь. Нет. Не наш метод – самоубийство. Бродить одному вечером по заваленному сугробами тёмному городку не хотелось. Граф пошёл перекусить в общую залу постоялого двора.

Было накурено и воняло, как в пивной у вокзала в будущем. Кислым пивом, рыбой, ещё гадостью всякой. Но хуже всего – подгоревший жир, бараний, наверное. Столов полностью свободных не было. По одному, по двое, но сидели за всеми на высоких и широких лавках. Пётр Христианович совсем уже было собрался уйти, лучше утром и поужинает и позавтракает, но тут ему наступили на ногу. Граф мелкого уroda в партикулярном платье оттолкнул и запрыгал на одной ноге. А этот, с позволения сказать, индивид, обернулся, увидел генерала скачущего и сказал на языке Жоржа Помпиду:

– Жё вэ тё никé та гёль!⁷ – Ну, пьяный в дымину, что с него больного возьмёшь, кроме анализов.

– Проспись, – посоветовал Пётр и решил ещё быстрее смотаться. Здесь нельзя было есть, тут только напиться мож-

---

⁷ Я тебе рожу расхерачу!

но, да и то, если отравиться решил.

Ух. И рука мелкого беса, сжатая в кулачок, устремилась Петру в ухо. Брехт десяток лет самбо занимался, потом ещё пять лет у-шу. Тело, конечно, более громоздкое и реакцию нужно нарабатывать, но умения перехватить кулачок и заломить руку на милицейский приём мелкому прыщу, пьяному в дымину, хватило. Получилось почти на пять.

– Мердё! – это его сейчас говнюком назвали.

Всё. Неудачный день сказался. Пётр приподнял кисть сильнее. Что-то в локте у матерщинника хрустнуло, и тот завыл и заблажил на весь этот вертеп. Пьяненький народ встрепенулся. Пьяненький народ воззрился на зачинщика драки. Те, кто потрезвее были, углядели эполеты и ордена, но таких было немного. Основная масса увидела фигуру в голубом. За жандарма, должно быть, приняли. И ломанулась к выходу. Но на пути Пётр и стоял.

Он намерение полутора десятков человек не понял. Подумал, что это они вступаться за матерщинника бегут. Брехт долго раздумывать не стал, приподнял франкоговорящего мелкого за причинное место и за ворот и запустил в набегающую толпу. Да! Силушкой бог графа Витгенштейна не обидел. Как кегли в боулинге попадали.

Глава 6

Событие шестнадцатое

Если два дебила – это сила, значит один из них – масса, а второй – ускорение?

После того как народ в обеденном зале попадал, Пётр Христианович решил довершить подвиг богатырский. Он как размахнётся, как вдарит правым кулаком – улица, как вдарит левым – переулочек. Чего уж, он же не дурак совсем, в генеральском мундире в кабаке в пьяную драку вступать. Потому граф сразу, как народ в обеденном зале попадал, храбро отступил на улицу и в два шага преодолел расстояние до возка, стоящего у входа, и скрылся за ним. Потом короткими перебежками, не кланяясь пулям всё же, так их в общем-то и не было, домчался до угла и повернул за него. И дальше, не снижая скорости, припустил. Стараясь не заблудить в начинающих сгущаться сумерках, Пётр Христианович сделал круг приличный по деревенским улочкам Великого Новгорода и вернулся к постоялому двору. Тихо всё. Почти гордо выпятив грудь, он прошествовал к себе в комнату на второй этаж, запер дверь изнутри на хлипкий засов и с разбегу плюхнулся на застеленную настоящей периной

широченную лавку.

– Fils de chien sale⁸, – в дверь колотили.

Пётр Христианович подёргал себя за уши, чтобы проснуться быстрее. Не закончилось, что ли, приключение?

– Enfoire⁹. Отк-к-крывай. – Опять вежливо ногами постучали.

Нет. Всё тот же матерщинник, должно быть. Придётся выходить на разборки.

Граф огляделся, сквозь небольшое окошко свет сочился. Выходит, утро уже. Он посмотрел на себя, спать завалился прямо в голубом мундире и он теперь совсем мятым выглядел. Не умеют ещё немнущиеся ткани делать. Что такое полиэстер? Изобрести надо?!!

Тяжко вздохнув, генерал Витгенштейн отодвинул засов и распахнул дверь. Ну он же не виноват, что дверь наружу распахивается. Это строители так сделали. Он вообще ни при чём. Попадали опять кегли. Но не все. Один, тот самый мелкий матерщинник, стоял чуть сбоку и потому радиус поворота двери до него не дотянулся.

– Милостивый государь, вы нанесли мне оскорбление, и я вызываю вас на дуэль. Или вы опять сбежите, как презренный трус? – Носик пимпочкой кверху задрал. – За вами выбор оружия. Стреляться будем немедленно.

Не. Нужно Наполеона в плен взять. Пуля – она дура. А Су-

---

⁸ Fils de chien sale. – Сын грязной собаки.

⁹ Enfoire. – Сволочь.

воров жив ещё? Повидаться бы со стариком. Будет что внукам рассказать.

– Ты знаешь, в чём сила, брат?

– Я вам не брат, – взвизгнул мелкий курносый. Вот почему все курносые холерики. Этот вот. Император опять же.

– Ты знаешь, в чём сила... сестра?

– Enfoire! Стреляться немедленно!

– Стоять! Бояться! – Это те двое упавших вскочили. Добрые. Добро должно быть с кулаками. Вот с кулаками и полезли.

– Потом со мной!

– Потом со мной!!! – Этот повыше, в мундире каких-то пехотинцев. Зелёный мундир. Может, семёновец?

– Не верите в живучесть этого курносого? – улыбнулся им душевно Пётр Христианович. – Стойте, а вы про д'Артаньяна читали? Там тоже трое. Достойные всё люди оказались.

– Дуэль. Немедленно, – напомнил о себе курносый. Ну, не хочешь, как хочешь. Не узнаешь, в чём сила. А сила – она в... силе. Годы тренировок. Утренние пробежки в любую погоду. Учителя ещё правильные нужны.

– Хорошо, сударь. Раз вы не представились, то буду называть вас Курносым. Так вот, господин Курносый... Раз вы меня вызвали, то, если мне моя старческая память не изменяет, за мной выбор оружия. Я выбираю кортики. Прошу обеспечить. – Повернулся он к секундантам, должно быть.

– Кортики? Трус-с-с! Почему не на женских шпильках?

А-а-а-а! – это граф ему на ногу наступил «случайно».

– Кортики. Через полчаса, умыться надо. Грех убивать неумытым. Пошли вон, я спущусь сам. Зачем мне вас ещё спускать.

Порычали на языке Франсуазы Саган. Что-то про солнце в холодной воде. А нет, послышалось просто, что холодно, хоть и солнце. Прорычали, но удалились. Так и не представившись. Кто их вежливости учил. Хотя понятно. Дядька – француз. Чего там у Пушкина? «И в Летний сад гулять водил...» Ох уж эти французы, ничему хорошему научить не могут наших детишек. Потом ещё Болонскую систему придумают. Болонь? Где это? Разрушить, пока не поздно!

Бреخت Иван Яковлевич присел на скамью эту безразмерную и задумался. Убивать детей не хотелось. Местная новгородская золотая молодёжь. Папа у мелкого начальник, стало быть. Только с начальством ему сейчас и «необходимо встречаться». Потому и кортики. Пуля – дура. То ли он убить может. То ли его – случайно. Не хотелось случайно умереть. А вот интересно, где-то читал Иван Яковлевич, что Пушкин тридцать семь раз дрался на дуэлях. Почему только один раз попали, да и то только ранили? Все мазилы здесь такие? Сабля? Так можно перестараться и отрубить чего важное. Кроме того, не был уверен Бреخت в том, что справится. Его никто фехтованию не учил. А вот кортики, это совсем другое дело. Это же почти те же кинжалы или ножи. А вот этому его пять лет Светлов учил. Узнать бы, хватило времени Кате с

детьми добраться до Спасска и смог ли Иван Ефимович переправить их в Америку. Ну, отсюда, из глубины веков, теперь не узнать. Только надеяться оставалось.

Итак. Кортики. Был у Брехта в будущем кортик, нет, не те игрушечные висюльки, что у современных офицеров морских висят. У него была копия кортика Нахимова. Там лезвие почти полметра. Целая сабля, вернее, меч маленький. Плохо. Он не умеет фехтовать. Или умеет? Как вот определить? Синий порошок съел не весь. Про детство и юность почти ничего не помнит, а ведь учат фехтовать именно в юности.

О-хо-хо. Ладно. Надо идти на дуэль. А, умыться же хотел. А ещё бы принять ванну. Выпить чашечку кофе.

Событие семнадцатое

– Ах, с какой странной ипагой вы заявили на дуэль!..

– Это лом, сударь!

Нас утро встречает прохладой,
Нас ветром встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
Весёлому пенью гудка?

Гудка не было. Как бы вместо «гудка» зарифмовать петуха? Петухи орали. И не один, несколько сразу и по очереди. Да и без очереди тоже орали.

Кудрявая была. Стояла красивая девушка со слезами на глазах и сквозь слёзы эти то умоляюще, то зло, карими глазами графа «прожигала». Приехали на излучину Волхова. Народу тьма. Один Витгенштейн без зрителей и секундантов. Правда, дормез Платона Зубова народ впечатлил. Шепчутся, стоят, пальцем посиневшим показывают. Не культурно же. Хотя их француз учил. Им можно.

– Подойдите сюда, граф, – прикрикнул на него тот самый зелёный подпоручик.

Если каждый делу предан,

Если все вперёд идём,
Песню радостной победы
Мы по миру разнесём. —

вспомнил Иван Яковлевич продолжение песни.

– Рано вы, граф, победу празднуете. Константин Владимирович Ржевский отлично фехтует.

Да, узнал Пётр Христианович, с кем повздорил. Как и предполагал, из золотой молодёжи товарищ. Его отец Владимир Матвеевич Ржевский – настоящая шишка, был недавно уволен, по прошению, от службы, с производством в тайные советники и с пенсией полного жалованья. Уволен с должности Новгородского гражданского губернатора. Папенька в Москву на днях укатил, а сынок задержался, забухал с друзьями.

Н-да. Ржевский.

Так можно и в анекдоты попасть. Восемнадцати лет даже нет пацану. Как бы не убить случайно.

Кортики нашли. Как и предполагал граф, они с лезвиями по сорок сантиметров. Пётр взмахнул пару раз. Тяжеловато лезвие. Он к другому весу привык. Снял епанчу голубую с плеч, притоптал место чуть вокруг, чтобы в снегу не завязнуть.

– Сходитесь, – секундант взмахнул саблей.

Никуда Пётр Христианович не пошёл. Что он, зря тут снег уминал. А Ржевский прямо кинулся. Ух, лезвие прямо перед

носом чиркнуло. Не, не, ребята. Если не умеешь фехтовать, то и не берись. Потому Брехт и не взялся. Он отпрянул назад и, когда курносый взмахнул кортиком, как шпагой, чуть зашагнул влево. Ржевский сделал выпад, намереваясь нанизать этого борова на иглу для коллекции, а там нет никого, провалился. Пётр Христианович аккуратно, но сильно, ткнул его остриём в левое плечо. И ещё отступил. Опять у носа вжикнуло. Эти придурки решили драться не до крови первой, а до смерти. Дети, блин, не ценят жизни.

Вжик, ещё раз. Пётр продолжал кружить на вытоптанном месте. Сейчас совсем рядом сталь просвистела. Даже дуновение носа коснулось. Можно ведь и самому курносым стать. Кто там с золотым носом ходил? Астроном? А, Брюге. Тьфу. Браге. Тихо. В смысле звали его – Тихо. Не хотелось бы на этого датского Тихона походить.

Ещё пару раз Ржевский кидался в атаку. Рука левая уже не за спиной, как вначале. Сейчас болтается вдоль тела, и по рубахе кровь стекает. Обильно так. По этой руке уже сто раз Пётр попасть мог, но нужно же правую отключить. И быстрее, а то пацан кровью истечёт.

Ага, Константин поскользнулся, Брехт, легко сделал шаг назад и влево и опять от души ткнул кончиком кортика только теперь уже в правое плечо. В дельтовидную мышцу. Ржевский вскрикнул и выронил кортик. Попытался подняться, но поскользнулся и упал на спину на снег, обильно его же кровью окроплённый. И тут к Петру Христиановичу в ноги эта

кудрявая бросилась.

– Не убивайте его. Умоляю вас.

– Да и не собирался.

Этот семёновец – брат двоюродный Константина и тоже Ржевский – сын генерал-майора Ивана Ржевского, шагнул, заслоня собой брата.

– Тихо. Тихо. И в мыслях не было. Может, хватит, ребята. Поиграли и будет. Ему к доктору срочно нужно. А то помрёт от потери крови. Давайте уж помиримся. Приношу вам свои извинения.

– И вы нас простите, ваше сиятельство. Дуэль закончена, – фальцетом прокричал тоже Пётр – Ржевский и махнул рукой, призывая врача.

Брехт нагнулся, поднял второй кортик.

– Можно я это себе заберу, на память?

– Премного обяжете. – Махнул рукой семёновец.

– Благодарю, господа, я поеду. Дела, знаете.

– До свидания, сударь.

Брехт надел епанчу и поспешил в свой дормез.

Уже тронулись, уже отхлебнул Пётр Христианович коньячку из пузатой бутылки, когда рассматривающая трофеи Шахерезада промолвила:

– Ух ты, самого адмирала Сенявина кортик. Вот тут написано.

Н-да. Интересные нынче девушки рождаются. Знают, кто такой адмирал Наум Сенявин. Выходит, Ржевские его потом-

ки. Измельчали. Не по руке им кортики великих адмиралов.

Событие восемнадцатое

Воспоминаний много, а вспомнить нечего.

Иван Тургенев

До самой Твери дальше ехали без приключений. Скучно ехали. Пётр Христианович достал планшет, включил музыку, при запросе галочку поставил на народные песни и слушал, удивляясь, как это люди в здравом уме такое могли сочинить. Хрень визжащая заунывная с непонятными словами. Выключил планшет минут через двадцать.

– Всё, Хавронья, перестань стонать и визжать. Что за песни у тебя. Кто у тебя импресарио? Чтобы не слышал больше. Надо будет потом тебя нормальным, не стонотно-визжащим песням обучить.

Покопался в настройках планшета и поставил на прослушивание русские народные сказки. Какая, в задницу, Шахерезада. Там интересно, познавательно, а тут сплошная зависть и желание получить богатство на халяву, не прилагая никаких усилий. Вообще выключил планшет.

– Ефросинья, если даже просить буду впредь в дороге или спеть, или сказку рассказать, ты меня по матери посылай, чтобы сразу одумался. На всех языках, какие знаешь...

– И на греческом, ваше сиятельство? – серьёзно так.

– А ты и греческий знаешь?

– И греческий, и латынь.

– Н-да. Хорошо, и на греческом посылай, и на латинском.

Так и ехали до Твери молча. Ну как молча, иногда успевала Шахерезада выскочить и на просторах великой страны испортить воздух, а иногда и нет. Тогда молча не получалось.

А вот только проехали Тверь, как напали разбойники, перегородили дорогу лесиной и обстреляли дормез из фузей дедовских.

– Ваше сиятельство, – Пётр задремал и не почувствовал даже, что коробочка с лягушонкой не едет никуда. Прохор тряс его за плечо. – Ваше сиятельство.

– Что, разбойники? – Стал вышаривать М1911 Брехт в кармане пиджака.

– Не знаю, ваше сиятельство. Ель упала, дорогу перегородила. Здоровущая, не отодвинуть.

Блин, так сон в руку.

– Может, это засада? – Пётр Христианович выглянул через плечо богатыря на дорогу.

– Может, и засада... Нет, не засада. Хотя, может, и засада...

– Ты толком говори. – Где пистолет-то?

– С корнем дерево выворочено. Была бы засада – подпилили бы. Надобно ждать других путников. Большая ель, топор нужен, пила лучше, и несколько человек, чтобы с дороги сволочь.

Путники появились прямо через несколько минут. Целый

обоз. Да нет, обозище. Десятка два саней и несколько таких же большущих дормезов, на сани поставленных. Из одного из них вышел мужчина лет двадцати пяти – тридцати и, что-то сказав внутрь, пошёл к стоящему у огромной ели графу Витгенштейну.

– Пётр Христианович, ты тут какими судьбами?

Мать твою!!! Вот что значит, не все кристаллики голубые слизал! Пётр этого человека не знал. Точнее, Пётр-то знал, а вот Брехту этот кусочек памяти не достался. И чего делать? Про амнезию рассказывать? Не. Всегда по возможности нужно говорить правду.

– Император Павел Петрович покричал на меня на днях и в ссылку в имение подмосковное отправил. В отставке теперь. Так и ехал себе, а тут вот дерево упало. – Пётр протянутую руку пожал и в обнимашках поучаствовал.

– Вот незадача. Крут бывает Павел Петрович, да отходчив. Зубовых всех вернул, я слышал.

– Вернул. – Блин, да кто же это такой?

– А я, наоборот, вот, повышен им недавно, теперь определён в Камер-коллегию и назначен командором ордена святого Иоанна Иерусалимского. – Как-то не сильно весело сообщил кучерявый круглолицый человек на полголовы ниже Витгенштейна, то есть довольно высокий для этого времени.

– Поздравляю. – Блин, ну кто это, хоть бы кто из обоза этого подошёл и обратился к нему.

Как по заказу. От одного из возков отделился чего-то ору-

щий на людей индивид и подошёл к закутанному в шубу, но стоящему без шапки кучерявому.

– Николай Никитич, распорядился я, сейчас распилят ель и освободят дорогу.

Ну, заметно полегчало, теперь хоть как звать толстячка известно.

– Пётр Христианович, так ты в своё имение под Подольском путешествуешь? – махнув рукой крикливому, вновь повернулся к графу собеседник.

– Точно так, Николай Никитич, буду сельским хозяйством заниматься.

– Так и я вот решил. Мы с Елизаветой Александровной купили соседнее, можно сказать, с тобой имение большое. Хочу овцеводство там наладить. Людей решили вот с барщины на оброк перевести.

Да, кто ты такой? Новатор?

– Господин Демидов, может, коньяка рюмочку? – вернулся опять крикливый.

Вона чё!! Так это внук Акинфия Демидова. Интересно. Словно кто ворожит. Вчера Брехт или Пётр целый день, после того как планшет выключил, думал, а чего тут можно прогрессорствовать. Всю армию штуцерами винтовальными перевооружить? Пулю капитана Минье изобрести? Или лучше сразу берданку делать. Бертолетова соль уже изобретена, правда пока там, в Европах, не поняли, какое чудо нашли случайно. Капсюль уже можно сделать. Токарные стан-

ки есть. Вполне можно на берданку замахнуться. Винтовка Дрейзе появится лет через тридцать. А от неё до берданки совсем чуть.

Была одна малость, которая перечёркивала пока любые такие прожекты. Граф Пётр Христианович Витгенштейн был беден, как церковная крыса, а на такое прогрессорство нужно иметь кучу денег. А лучше две кучи денег. А ещё нужно иметь под рукой Тульский или уральский завод Демидовых. И вот – вуаля. Вот он – владелец заводов, газет, пароходов собственной персоной, и они не просто знакомы, а друзья, можно сказать.

– Присоединишься, Пётр Христианович?

– С удовольствием составлю вам компанию, Николай Никитич.

Глава 7

Событие девятнадцатое

*Чтобы значиться – от врага нам
обезопаситься*

Пётр Христианович Витгенштейн выходил из дормеза и мысленно и взаправду перекрестясь. Всё же все товарищи, с коими он успел повстречаться уже в этом времени, хоть и знали его...

Нет. Они знали прежнего графа, и не сильно близко, да и резкая такая немилость императорская может человека вывести из себя, да алкоголь литрами, если что и замечали необычное, то на это, видимо, списывали. Сейчас совсем другое. Жена – Антуанетта знает его лучше, да и дворня тоже. Ну, дворня спрашивать, почему их сиятельство вместо шампанского портвейн полюбил, постесняется – не будет. С религией тоже проблем не должно возникнуть, он лютеранин, жена католичка, так что в церкву можно и не ходить, а вот с женой-католичкой как раз проблема. И не скажешь же ей, что он попаданец из будущего. Не те толерантные времена. Талейран ещё и не министр, наверное, да без разницы. Что делать с женой?

Людвиг Адольф Петер цу Зайн-Витгенштейн-Берлебург-Людвигсбург – это так официально его тушку новую зовут, жена называет – Петер, а он жену на французский манер Антуанетта. Жену граф не видел четыре месяца. Занимался Гусарским генерал-майора графа Витгенштейна полком, он же Мариупольский гусарский полк. Полк расквартирован в Москве, вроде рядом – несколько десятков километров от их деревеньки, но всё недосуг было, а как собрался навестить жёнушку, так получил приглашение от императора и полетел, как бабочка на свечу, в столицу, будь она неладна.

Женат Пётр Христианович на Антонии-Сесилии Снарской – дочери маршала Полоцкого наместничества Станислава Снарского от брака его с Казимирой Свольнской. Свадьба состоялась в Полоцке два с половиной года назад 27 июня 1798 года. Витгенштейн женился по любви, потому что невеста его была не знатна и не богата. Как и сам. Ну, в смысле не богат. Маршал – это не звание. После присоединения Литовской Руси к России маршалками или маршалами назывались уездные и губернские предводители дворянства. Если на современный русский переводить, то тестюшка просто – предводитель уездного дворянства. С такой же деревенькой в сорок душ и пятью детьми. Приданого – одни перины. А нет, ещё тот самый непонятный Араб. Хотя, может, и не араб. Но конь вспыльчивый и бешеный. Не, точно арабская горячая кровь есть.

Не богат граф Витгенштейн?! Беден. От отца, после упла-

ты долгов, в наследство осталась деревенька под Переяслав-
лем (это не тот Переяславль, что под Москвой. Это город
в Бориспольском уезде Киевской губернии) и вот эта руи-
на. Продав за гроши ту деревеньку и уплатив долги батянь-
ки, граф перевёз жену сюда вот. В Руину. Денег хватило на
небольшой барский дом с мезонином, построенный на раз-
валинах старого, и на покупку трёх кобыл фризской породы.
Решил тот прежний Витгенштейн стать по примеру Орлова
конезаводчиком. Возможности, правда, у графьёв Орлова и
Витгенштейна разные. Куда ему с тремя кобылами, хоть и
дорогущими, до хреновых лошадей Алексея Григорьевича.
Хреновых не потому, что плохие. Орловские рысаки – одна
из лучших пород лошадей. Хреновые, потому что выведены
на Хреновском конном заводе в Воронежской губернии.

Не остановило нищество прежнего графа. Всем же
известно, что Орлов начинал породу свою разводить с одной
арабской кобылы, доставшейся, кажется, в качестве трофея
военного. Потом намешали туда фредериксборгскую (дат-
скую) породу домашних лошадей, потом фризскую или фри-
зов – порода лошадей с вороной мастью, выведенная в Фри-
сландии, ещё, кажется, мекленбургские лошади поучаство-
вали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.